

НАШИ • ТАМ

ЛЮБОВЬ КОЛЕСНИК
НАТАЛИЯ НЕСТЕРОВА
ВИТЯЗЬ.
ТЕНЕТА ТЬМЫ

Наши там (Центрполиграф)

Наталия Нестерова

Витязь. Тенета тьмы

«Центрполиграф»

2017

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

Нестерова Н. П.

Витязь. Тенета тьмы / Н. П. Нестерова — «Центрполиграф»,
2017 — (Наши там (Центрполиграф))

ISBN 978-5-227-07647-2

Орк, эльф и инопланетянин. Какая судьба свела их вместе? Конечно, война – мир надо защитить от чудовищного потомства Матери Хаоса – Цемры... Каким будет воинство, встающее под их флаги? Какова окажется любовь под этими флагами? Попав в волшебный мир, на родину эльфа Тайтингиля, троим друзьям сначала надо найти друг друга, а затем, воссоединившись, убедить народы Эалы объединиться и выступить против общего врага. А тем временем и женщины, которые любят наших героев, всеми силами стремятся их отыскать, а значит, найти способ пересечь границу миров...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-227-07647-2

© Нестерова Н. П., 2017
© Центрполиграф, 2017

Содержание

Пролог	6
Глава 1	10
Глава 2	19
Глава 3	26
Глава 4	39
Глава 5	46
Глава 6	52
Глава 7	61
Глава 8	69
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Любовь Колесник, Наталия Нестерова
Витязь
Тенета тьмы

Серия «Наши там» выпускается с 2010 года

© Колесник Л., Нестерова Н., 2017

© Художественное оформление серии, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2017

© ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2017

* * *

Пролог

Древа переплетались ветвями на почти недостижимой высоте. Могучие развилки и грубая, в глубоких трещинах кора давали возможность взбежать вверх, как по тропам, – от самых корней, распутившихся мощными щупальцами. Это были особые, вековые деревья древних эльфийских лесов. Внизу, под лиственным сводом, возле опушек и на прогалинах росли и обычные породы, как их обозначил бы человек, – дубы, березы, ясени. Они и вполтину не достигали высоты великих эльфийских древ, царящих над Вековой Тенистой Пушей, хотя уверенно занимали более-менее открытые места между великанами.

– Не полетит, – флегматично сказал Даэмар и приложил к губам флягу с медовым напитком. Серебристо-белые волосы следопыта сверкали на солнце поверх откинутого коричневого капюшона плаща.

– Полетит, – возразил Мэглин и мягко улыбнулся. – Я... верю. Хочу верить.

– Мне нравится твой кинжал. Этот. Поспорим на него? Не полетит.

– Полетит. А что ставишь ты?

Даэмар отпил еще, показал Мэглину чеканную серебряную фляжку. Тот кивнул.

Некоторое время сидели молча. Ждали.

– Это уже которая попытка? – спросил наконец Даэмар.

– Семнадцатая, – со вздохом ответил зеленоглазый стражник. Насторожил уши, вскочил: – Вон, вон, смотри же!

Над кронами великих древ медленно вырастал гигантский округлый бок. Шар... нет, не шар – громадная овальная конструкция, сверкающая блеском медных заклепок, перевитая веревками. Она шла неровно, неуклюже, грузно – поднимаясь выше то одним, то другим боком. Под брюхом воздушного кита на канатах болталась длинная корзина, позади которой вращались широкие лопасти, загребая воздух.

Слишком сильно болталась!

– Полетел! – радостно вскричал Мэглин. – Полетел без единого слова магии!

– Некоторые из прошлых тоже поднимались ввысь... сперва, – звучно раздалось позади.

Оба эльфа повернулись: на рослом гнедом жеребце, до самой земли покрытом богатейшей парчой, восседал лесной король – дайн Тенистой Пуши Оллантайр. Конь, согнув могучую шею в тугое кольцо, пританцовывал под всадником.

– В любом случае целительница наготове, – сухо выговорил Оллантайр. – Я сделал выводы из прежних попыток. Запретил подниматься Йуллийель. Дочь осталась на земле. Но моя жена, Ольва Льюэнь, и мой сын, Даниил Анариндил, – там.

Некоторое время эльфы смотрели на шар не отрываясь. Мэглин поигрывал кинжалом. Даэмар снова пригубил сладкого меда. Дайн перебирал повод.

– Этот держится дольше прочих, – наконец заметил он.

Красавец конь фыркнул.

– Перестал набирать высоту, – заметно огорчившись, сообщил Мэглин. – Владыка, если мы сейчас втроем споем волшебную песню...

– Тогда будет нечестно, – улыбнулся Даэмар и выразительно посмотрел на кинжал.

– Ольва, моя супруга, желает, чтобы воздушный корабль летал сам, – с заметной прохладцей, укрыв в уголке рта ироническую усмешку, сказал великолепный эльф. – На дельтаплан она потратила около десяти лет. Даже спустилась с Дантрима на нем, но потом он, к счастью, сломался, да и поводов часто навещать подгорных dwarves больше нет. Теперь – это. Дирижабль. Пусть играет. Помогать магией я ей не стану: она сама просила об этом вначале, чтобы все было по-честному, и я, как вы знаете, согласился.

Туша монументального сооружения тем временем поднялась над кронами и нерешительно зависла, медленно вращаясь вокруг своей оси и угрожающе кренясь то на один бок, то на другой. Лопасты винта молотили по воздуху, но, видно, не так мощно, как требовалось, и никакого продуктивного движения хоть в какую-либо сторону не получалось.

Даэмар хищно прищурился, словно глядел поверх стрелы.

– С ними еще Эйтар и дверг Трорин.

В ту же секунду шар, наполненный горячим воздухом, резко повело в сторону под ударом ветра. Ни один из троих наблюдателей не успел даже поднять руку. Полыхнул огонь, который вмиг охватил всего небесного гиганта. Владыка леса резко толкнул жеребца ногами – и тот принял с места в галоп. Даэмар метнулся к месту предполагаемого крушения по деревьям белохвостой белкой, Мэглин подозвал скрытую в подлеске лошадь...

Оллантайр на скаку вскинул руку и выкрикнул заклинание. Над местом крушения ударила молния, и из крошечной на вид тучки полил дождь – прицельно и мощно, ни единое великое дерево не успело загореться.

Дирижабль падал с утробным свистом, выпуская горячий воздух из недр прогоревшей оболочки. Под конец что-то изрядно бабахнуло и рассыпалось каскадом искр. Останки сооружения ухнули на крошечную полянку, перегородив лесную речку.

Уцелевший Эйтар, выскочивший из корзины, сбегал по дереву вниз. Принц Анариндил не сбегал, он уже хмуро сидел на толстой ветке подле оранжевого, как апельсин, гнома. Несмотря на то что дверг Трорин стал в Тенистой Пуще почти своим, лазать по деревьям он так и не научился. Зато добрая местная снедь шла ему на пользу, и в данный момент молодой еще гном был в ширину примерно таким же, как и в высоту.

Возмутительница спокойствия, дайна Ольва Льюэнь, на вид тоже целая и невредимая, осторожно сползала по коре, изрытой глубокими желобами и трещинами. На ней был комбинезон наподобие двергского – из грубой ткани, простеганный надежными швами, местами прошитый кожей, со множеством карманов. На лбу топорщились очки, переделанные из двергских же сверловочных, кожаный шлем защищал голову. Эльфийский оружейник, усовершенствовавший конструкцию, добавил к окулярам россыпь аметистов и немного серебряной чеканки – для королевы делал, для дайны Вековечной Пущи!

На спине Ольвы имелась странная сумка, пристегнутая широкими лямками. Из нее торчали обрезанные витые шнуры, а высоко на древе на ветру трепыхалось жизнерадостное желтое полотнище, притормозившее падение. Дайна не была эльфом. Она была человеком, и трюки, которые легко проделали Эйтар и ее сын Даниил Анариндил, ей не удавались – требовалась страховка.

Мэглин молча передал Даэмару кинжал. Оба полезли на дерево – выручать потерпевших крушение.

Оллантайр чуть подождал, затем откинул плащ, легко встал легкими узорными сапогами на седло и ухватил сползающую с дерева супругу пониже талии. Ольва Льюэнь отцепилась от коры, вполне доверяя рукам дайны. Муж осторожно опустил ее на седло и соскочил сам. Ольва тоже спрыгнула на землю. Красавец конь радостно толкнул женщину широким лбом в плечо, прихватил мягкими губами за один из карманов, очевидно хорошо ему знакомый. В кармане сухарно хрупнуло.

Дождь прекратился.

– Слушай, ну почти, – радостно объявила Ольва. Перепачканная сажей, мокрая насквозь, она сияла азартом. – Ты видел? Видел? Просто подвело рулевое управление. И корзину надо крепить выше. Выше к оболочке... слишком длинные стропы... эх, где-то то ли мощности не хватает, то ли... может, поставить еще горелку? Или воздух внутри распределяется неравномерно?

– Возможно, – глубоким баритоном ответил Оллантайр, усмехаясь. На дне его фиалковых глаз плясали яркие смешинки. – Сделаешь новый. Когда ты заказывала шелк для шара в последний раз, я велел привезти материи в три раза больше. Так что если желаешь...

– Конечно желаю! – с жаром воскликнула Ольва. Нашла взглядом на дереве сына и его круглого оранжевого приятеля – возле них уже был Даэмар, помогал Даниилу Анариндилу оторвать дверга от ветки, в которую тот намертво вцепился. – Что ты сказал?

Король молчал, улыбался. На щеках вычертились мягкие ямочки.

Ольва вздохнула.

– Ты думаешь, что опять не полетит... А он полетит, я придумала, как нужно сделать! Завтра же начнем снова. Надо послать в Драконью гору за двергским углем, он легче и жарче обычного. И объяснить кузнецам, что лопасти следует перековать еще тоньше! Но тогда их, возможно, придется делать из оружейного серебра: все остальное слишком тяжелое и грубое, и...

Она темпераментно поправила очки – и из-под стекол на лицо потекла дождевая вода. Пожарная служба Тенистой Пущи сработала на отлично.

– Ты можешь выгрести все мое оружейное серебро из сокровищницы, – спокойно сказал Оллантайр. – Просто постарайся бывать со мной немного чаще. И я напоминаю тебе, что как раз завтра мы должны выехать в гости к Наиллирис... Давно обещали.

– А, да... – Ольва вдруг заметно приуныла. – Наиллирис. Ну, значит, попытка номер восемнадцать будет после поездки. Или дети начнут тут понемногу строить без меня...

– Они тоже едут, а Трорина ненадолго призывает его двоюродный дед, король Дантрима.

– Ну хорошо, – еще больше огорчилась она. – В Нолдорин тоже поедет? В Приморский Оплот?

– Нет, – покачал головой Оллантайр. – В этот раз мы минуем Скрытый город и все прочее. Только к Наиллирис.

Королева пожала плечами.

– Тогда потом, да. Отложенное удовольствие не есть упущенное удовольствие. Ведь правда?

Оллантайр собрался ответить, очень серьезно ответить – про удовольствия и упущения, но не успел. На поляну выехал всадник, спешился.

– Дайн, – гонец поклонился, – во дворец прибыло трое двергов из торгового сословия, из тех, которые живут близ людей. Они желали бы видеть королеву Ольву Льюэнь. Говорят, дело исключительной важности. Они доставили тело товарища, погибшего по дороге... погибшего странно... и просят помощи.

– Мы прибудем немедленно. – Оллантайр вскочил в седло и поднял Ольву на холку коня впереди себя.

Трорина тем временем почти спустила до земли, чуть прихрамывающего Эйтару вел под локоть к своей мирной кобылке Мэглин, а принц Даниил Анариндил что-то бурно рассказывал Даэмару, страуя апельсинового дверга.

Дайн Тенистой Пущи толкнул гнедого ногами; конь, взрыв копытами землю и опад, принял с места.

– В твоём мире летали так, чужеземка Ольва? – проговорил король в светлый затылок жены, отогнув пальцами прокопченный дерюжно-кожаный воротник ее комбинезона. – В твоём мире...

Ольва прижалась к мужу спиной, соединившись с ним в ритме галопа.

– Я почти забыла, Оллантайр! Но что-то все же помню... в моём мире летали на самолетах. В Москве есть аэропорты... Шереметьево, Внуково, Домодедово. Садись в самолет – и...

– Чужеземка Ольва, которая желает летать, – выговорил король, – ты упрямица! Эльфы исповедуют покой и дорожат неспешным течением жизни! – великолепный конь перескочил поваленное дерево. – Никуда не спешат! Эльфы наследуют вечную благодать Чертогов Забвения, в которой их жизнь вечна. У нас нет никаких самолетов... дирижаблей! Впрочем, один из нас всегда хотел наступить на звезды, сколько я помнил его. Твой приятель, Тайтингиль. Твой неугомонный друг.

Показались стены дворца, также причудливо раскинувшегося по Пуще, как и корни древ, – огромного, почти города, и конь перешел на рысь.

– Он и твой друг, – отозвалась Ольва, – друг нашей семьи.

– Я давно не видел его, кстати. Помог ли ему Сотворитель в этой дерзости? Может быть, унес в эту твою... Москву?

Глава 1

Бар

Бар был тематический. Здесь часто проходили модные костюмированные вечеринки, косплеи. Бармен Шурман знал, как будет «налей выпить» на квенья и синдарине, мог позвать полицию по-клингонски; разбирался в нашивках и знаках различия двух десятков вымышленных армий. По мнению Шурмана, по отдельным ребятам и девочкам откровенно рыдали психиатрические лечебницы.

А вот Дима Котов, например, был вполне нормальным человеком. Рослый, крупный парень стильно одевался в спортивное, никого не изображал. Выбритые полголовы справа и длинные светлые дредды слева – вот и все его причуды. Но сейчас он появился в дверях, обводя помещение шальным взором. Его пошатывало, а в руке Диман сжимал надкусанный сэндвич эпических размеров.

– Шур, – сказал он хрипло и положил на стойку «визу». – Организуй сухпаек, а? Чипсов, сахар-риков. И шоколаду. Шоколаду побольше. Для др-ракона, – прибавил шепотом.

Шурман кивнул и принялся собирать заказ, пропустив «дракона» мимо ушей. Сухпаек требовали собирать регулярно – на войну, в поход за Стену или в Мордор, да мало ли в какую галактику.

Котов нынче явился не один.

Яркая девица, словно из мультика аниме, вплыла следом – худенькая, в причудливом алом платье, волочащемся по полу. Смоляные волосы глянцево ниспадали до пояса. В зубах у красотки торчала чающаяся папиросина.

– У нас не курят, милая, – предупредительно сказал бармен.

И осекся. Девица вперила в него неподвижный взгляд странных белых глаз, и Шурман похолодел.

– Собирай провиант, – сказала спутница Котова. – Молча.

Не спутница. Голос, жестко выговаривающий согласные, был совсем не женский, а тон такой, что Шурман непроизвольно вспомнил службу в армии.

– Черт знает что, – зашептал он, быстро проводя картой Котова по си-киперу, – ч-черт знает что творится!

Диман сгреб сухпаек, принялся торопливо рассовывать по карманам. Типчик в красном стоял рядом, смотрел.

– Попить дай, пожалуйста, Шур? – попросил Котов. – Вот мохито... безалкогольное? Давай. Весь кувшин давай. И сахар-ру...

Шурман подал кувшин, оторопело глядя, как Дима выворачивает в напиток сахарницу и торопливо болтает ложкой. Красный усмехнулся, зловонная папироска переключалась из одного угла рта в другой.

– Нейроны, – проговорил он. – Выгорели. Такова плата за полет в звездной корабле.

– В звездном, – поправил Шурман.

Странный мужик манерно вскинул голову.

– Не учи меня, торговец. Сталь, честь, смерть. Корабль. Она. Пей, Кот-ту. Враг повержен. Я выучу тебя летать.

Котов глотнул прямо через край и выдохнул:

– Нет уж... спасибо, мне хватило...

– Беспольное создание, – припечатал похожий на девицу злыдень. – Иди, нужно встретить Тайтингиля.

Он махнул длинным рукавом – туда. К служебному выходу на задний двор. Котов рыскал вперед; его спутник, вздернув нос, поплыл следом, напоследок полоснув Шурмана лютым нечеловеческим взглядом.

Бармен опустил на стул и вытер вспотевший лоб салфеткой.

Котов пил, зубы стучали о стеклянный край кувшина. Надо же, он и правда пару часов назад мчался на настоящем звездном корабле и палил, сжимая гашетки до боли в пальцах, в жуткого демона-паука, который хотел погубить этот мир. Мир, ставший удобным приютом перерожденному орку.

Человеком Дима не был. Не был им и его обманчиво хрупкий спутник, облитый красными шелками. Инопланетянин, Мастер Войны империи Йертайан, воплощенная смерть. Щуря белые глаза, он стоял и курил «Мальборо» с оторванным фильтром, по-блатному зажимая сигарету в когтистых пальцах.

– Ты не видишь его? – Дима, морщась, отхлебнул еще глоток приторно-густой сахарной взвеси. – Где там Тайтингиль? На др-раконе...

– Чешуйчатая мерзость, – покривился Мастер Войны. Альгваринпаэллира Багрянца Небес, их неожиданного союзника, пришелец со звезд невзлюбил сразу, глубоко и взаимно. – Пока не вижу. Союзник должен прибыть.

Инопланетный воин повернул голову, вглядываясь в вечернее московское небо.

На его лилейной шее багровел совершенно однозначный синяк.

Котик чуть не выронил кувшин – кто?.. когда?.. вот так, до истерического засоса целовал Мастера Войны?.. Вот ведь жаба белоглазая, он же бесчувственный, как деревяшка!

Но времени раздумывать не было. На облаках вычертился и рос крылатый силуэт.

Шурман мялся за стойкой, не решаясь пойти и прогнать неожиданных, но щедрых на заказы гостей с подсобной территории вверенного ему бара.

– А-а, Сашка-а! – Ленка, новая официантка, недавно приехала из Калязина, и ей все было в диковинку. – Иди зырь, голограмма-а-а! Дракон, во!

Вся честная компания – сама Ленка, повариха Анатольевна и пара таджиков-разнорабочих, Сафат и Руфат, – прилипла к окну, разглядывая, что творилось на заднем дворе. Там и правда был дракон. Здоровый, с «Газель» – это не считая длинной шеи с острой головой в рогатом воротнике и просторных кожистых крыльев. И хвоста, который он изящно свернул вокруг тела, переливающегося багрянцем и золотом. Возле шеи, в складке у крыла, стоял высокий рыжий мужик.

Шурман его хорошо помнил. Какое-то время назад он, ряженный в кольчугу и плащ, да еще и с мечом, валялся тут за мусорными баками...

Не было бы дракона, Шурман, может, и потерпел бы рыжего зануду, но дракон его доконал. Бармен выдохнул и пошел-таки на задний двор с намерением разогнать всю шайку-лейку.

– ...Ну вот и все, – донесся до него голос рыжего эльфа. Он говорил медленно, слова падали колючими камнями. – Был бой, но не последний. Мы победили Цемру, Альгваринпаэллир, однако остались ее дети, несметные полчища детей...

Красный при этих словах нервно вздернулся.

– ...Эти полчища теперь станут сосать силы из моей складки Эалы, – продолжал эльф, наглаживая дракона по голове – по пальцам текло красное и тут же застывало, осыпаясь искристым багряным прахом. – Ты, дракон, единственный, кто может провести нас туда. Помогите же нам, и я отдам тебе свою благодать, как мы уговорились. Ты получишь Чертоги Забвения.

Дракон негромко шипел, как паровой утюг.

– Вы что это тут делаете? А? – вступил Шурман и тут же ахнул: – Ох ты ж, елки-палки!

Вблизи от дракона исходило странное сияние, будто воздух подле багряного чешуйчатого тела был нестерпимо горяч, и контуры размывались. Голову он повернул очень правдоподобно.

«Точно, голограмма... лазерное шоу. Высший класс!»

Пахло жженым камнем и одновременно водой. Стоячей, как в старом пруду.

– Косплеим мы тут, – угрюмо ответил Котов, надкусывая шоколадку сразу до половины.

Красный осклабился:

– Царевну.

– Лягушку.

Дракон издал странный звук – то ли закричал, то ли засмеялся. Рыжий глядел строго, но его пошатывало.

Шурман вдохнул и сказал все, что думает. И про царевну, и про лягушку, и про тронутых ролевиков. Которые, хоть и приносят доход... но вот такие фокусы с голограммами – круто, чего уж, но как-то чересчур, а для выгоды бару – лучше бы перед главным входом, а не у помойки.

Красный недобро напрягся. Котов просительно оглядывался на всех по очереди – он очень не любил конфликты. Рыжий наглаживал дракона и молчал, а то и вовсе не слушал.

Зато немногочисленные посетители, а также Ленка, Сафат, Руфат и повариха Анатольевна с восторгом глядели из окон бара на бесплатное зрелище. Кто-то даже достал телефон – снимать и постить.

Шурман пошел обратно – и в дверях его едва не сбили с ног.

Красивая девушка с бешеными глазами, Оля, или, как ее звали в ролевом мире, – лучница Алора. Красивая, темноволосая, она ходила в бар за добычей и стреляла исключительно держателей платиновых карт. Чертыхаясь, бармен отскочил – и дернулся, увидев в тонкой руке пистолет.

– П-полиция, – выдохнул негромко.

Шурман нащупал в кармане телефон. 112, добавочный 02... Глядел через стекло – Оля и бодовые ребята с драконом переругивались, активно жестикулируя.

– Отойдите от окон! Быстро! Голограмма эта... Радиоактивная наверняка! – Бармен рывкнул вроде бы на персонал, но и посетители шарахнулись. А одна тоненькая фигурка рванулась вперед. Еще сумасшедшая? Дочка Ирмы Викторовны, постоянной посетительницы, бело-волосая девчулька с голым животиком, как ее – Алина, кажется...

Утративший душевное равновесие Шурман дозвонился в полицию и теперь выслушивал электронного оператора, всеми силами стараясь не выдать паники.

– Алина! – крикнул он, не бросая телефона. – Туда нельзя!

– Что значит нельзя? – Девчонка аж подпрыгнула. – Они же там! Мне надо к ним!

– Посиди, сказал! – Бармен повысил голос, заслоня собой проход к двери.

Девчонка взъерошилась:

– Закрой рот! Дай пройти! Мастер Войны! Котов! Тайтингиль! И Оля там, гадина!

Все чокнутые. Невозможные. Полный комплект.

Полиция тем временем отозвалась, и Шурман начал лихорадочно, вполголоса диктовать адрес и причину вызова и упустил Алину.

Шальная девчонка твердой рукой сгребла со стола килограммовую декоративную пепельницу из причудливого стекла с пузырьками внутри и побежала вперед.

– Стой! – закричал Шурман. – Да нельзя туда!

Он рванул следом, выронив телефон, – и не успел.

* * *

Все случилось в две секунды. В три. Рыжий Тайтингиль пошатнулся, словно совсем потеряв силы, Оля выстрелила, Алинка прыгнула на нее, широко размахиваясь пепельницей. Котов ойкнул, пятась, – и гортаец прыгнул тоже, выталкивая его из-под пули.

И упал на гребнистый драконий бок, обливаясь кровью.

Полыхнуло белое пламя, искристое, как мелькание дискотечного шара, – и все пропали.

Почти все – Оля лежала на земле лицом вниз, пистолет валялся рядом, из разбитой головы текло красное. Алинка сидела на корточках и навзрыд плакала, закрыв лицо ладонями.

В следующий миг все зашумело, завертелось: загомонили посетители бара, снова прилипая к окнам. На улице взвизгнула сирена, по стенам домов заматались отблески милицейских маячков. В распахнутых дверях появилась Ирма Викторовна, подтянутая, в деловом костюме. Она напряженно смотрела туда, где гасло серебристое марево; пальцы судорожно сжимали небольшой продолговатый предмет вроде ручки. За плечи Ирму придерживал белесый мужик, затянутый в узкую куртку мотоциклиста.

Шурман бросился встречать полицию, а незатейливая Ленка, из которой Москва еще не выбила остатки человечности, уже возилась с павшей на поле непонятных событий Олей-Алорой, охая и хлопоча.

Ирма спешила.

В ушах бился горячий, тяжелый ток, караван машин в полосе двигался слишком медленно. Женщина чертыхалась, перестраивалась, стискивала руль – и поминутно оглядывалась на белую пластиковую палочку, лежащую на пустом сиденье рядом. Две полоски на тесте! Две! Как такое может быть? Как эльф пробился через лучшую гормональную спираль?

Ирма не понимала своих чувств, но твердо знала одно – надо ехать.

Успеть.

Алинку унесла вперед соколом летевшая «Хаябуса». Мотоцикл с хищно вжавшимся в руль Вадимом желтым ножом прорезал московские заторы. Ирма на огромном внедорожнике плотно застревала на каждом перегруженном перекрестке.

Когда Тайтингиль впервые сел в ее «прадо», на странном, светлом лице нездешнего мужчины были написаны восторг и удивление. Эльф касался длинными пальцами пластика приборной панели, резными ноздрями вбирал незнакомые запахи – движения, города, бензина...

«Сумасшедший!» – подумала она тогда. И показала все, на что была способна ее машина.

Эльф оказался настоящим.

...Зазвонил айфон.

– Да! – рявкнула Ирма.

– Вы только не волнуйтесь, милочка, – объявил богатый обертонами пожилой дамский голос. – Там уже все, кто надо. Я прибуду непременно, как только закончится мероприятие. Следите за дорогой, Ирма. И не волнуйтесь.

Соседка, пожилая мадам, писательница. Седые волосы, наряды в стиле бохо-шик, красные губы и зажатая в них неизменная скрутка сигариллы. Ей одной Ирма не постеснялась рассказать про эльфа. Расчувствовалась и рыдала в ее глубоком кресле, что златому витязю предстоит битва с демонессой-паучихой. Наталья Петровна была невозмутима и немного записывала. Накапала в микроскопическую рюмочку душистого травяного ликера – и слушала дальше, и кивала.

«Вы же не думаете, что я сошла с ума, Натальюшка Петровна?»

«Не более, чем я. И что же, вы говорите, портные – гномы? Ну, все сошлось, вот почему такие цены...»

– Я еду, Наталья Петровна, но Москва же, Москва!.. – застонала женщина.

– Душечка, не драматизируйте. Чай, не гетто и не бедный район Бомбея. Я тоже приеду.

– Спасибо...

Ирма бросила айфон. Сердце колотилось. Она облизала губы, мазнула по ним оттеночным блеском – рефлекс, помогающий собраться. И пропустила миг, когда следовало рвануться под зеленый светофор – мужчина из соседнего ряда заорал на нее; не слышно через стекла двух машин, но видно. Ирма показала палец и ударила по педали газа – внедорожник с ревом прыгнул вперед тяжелым черным зверем. Пробка тронулась.

На стоянке у хорошо знакомого бара Вадим как бы между прочим осматривал мотоцикл. Когда Ирма, хлопнув глянцевой дверью кое-как брошенной машины, рванулась внутрь, мужчина неслышно пристроился за ней.

– Ирма Викторовна... вы успеете. Я ждал... я знаю, верьте, вы...

Ирма верила.

И она успела.

Увидеть скорчившуюся в полуприседе Олю, выставившую вперед пистолет, и летящую на нее Алинку с тяжелой пепельницей в тоненькой руке.

Услышать оглушительный, хлесткий хлопок выстрела.

Заметить взметнувшуюся алую фигуру Мастера Войны и взрыв кровавых брызг, осыпающихся на бок великолепного дракона. И – мякнувшего Димку Котова, неловко повалившегося на асфальт, – жив? цел?

Успела вскрикнуть и тотчас зажать ладонью рот.

Тайтингиль, хмурый и весь словно выцветший, вздернул Котова с асфальта рывком за шиворот. Ирма поймала взгляд серых глаз эльфа, и этот миг показался вечностью...

А потом полыхнул серебряный смерч, поглотивший фигуры трех мужчин и дракона; громко заплакала Алинка, вдалеке завывали полицейские сирены.

Ирма откинулась назад, на долю секунды закрыв глаза, и решительно рванулась вперед – к дочке.

Тайтингиль, не открывая глаз, резко вдохнул знакомый воздух – остро вычерченные ноздри затрепетали.

Ирма успела проститься. Ирма. Его человеческая женщина. Она...

Успела.

Эльф ощутил под пальцами траву. Пахло ранней осенью – рекой, мхом, лесом. Это были знакомые с миновавшего тысячи лет назад детства запахи Эалы, его родного мира.

Получилось.

Тайтингиль пошевелился. Тело слушалось, но что-то тяжелое, живое лежало сверху и... дышало.

– Слезь с меня, – сказал витязь, открывая глаза.

Напряг мышцы и выдернул себя из-под...

Потрошитель Азар, сброшенный в сторону, жалобно мякнул и поднялся, пытаясь опра-
вить на себе разорванные в клочья неоновые адидасовские полоски. Тряпочки едва прикрывали натуральные оркские габариты – могучую, более чем двухметровую фигуру весом цент-
нера полтора плотно сбитой мускулатуры.

Метросексуал Димочка Котов переродился обратно в себя – низколобый, клыкастый, остроухий. Только глаза остались подарком другого мира – искристые, светло-голубые, широко распахнутые глаза прожженного московского рекламщика.

– Ты снова орк, – философски заметил Тайтингиль, пожимая кевларовым плечом. – Твоя одежда... порвалась.

Диму потряхивало.

– Д-д-да... Тайтинги-и-иль, я-а-а...

– Как себя чувствуешь?

– Норма-а-ально... Но я... я...

Тайтингиль протянул руку и дотронулся до его плеча. Кожа была прохладной, шершавой, плотной. Чуть запрокинул голову. Теперь Котов – хотя, наверное, уже Азар, – оказался заметно выше его.

И тут эльф нахмурился. Подобрался, резко повернулся – влево, вправо.

– А где?.. Мастер Войны? В него стреляли... стреляла Алора! Лучница! Где дракон?

Орк тоже подскочил.

– Алор-ра... – Манера говорить осталась прежней, с кокетливым подмуркиванием, только голос стал гораздо ниже, и получалось, что орк ворчал по-медвежьи. – Оля она, витязь. Гадина! Она стрелять стала, а Мастер-р...

– Заслонил тебя собой, – выговорил Тайтингиль, вспоминая. От прыжка между мирами рассудок еще туманился, но дыхание родных небес помогало эльфу обретать ясность. – И Алора попала в него. Я не успел... он смог. Звездный воин упал на старого дракона. Кровь Альгваринпаэллира напитала камень и открыла путь между мирами, и... мы тут. А Мастера и дракона – нет.

– Будем искать, – оптимистично сказал Котов. – Мы же здесь. Вот они мы.

– Нда. – Тайтингиль осмотрел Котова еще раз и ухмыльнулся.

Московские гномы, дверги Ивана Андреевича Монахова, справили витязю славный доспех. Позолота на нем делала броню неотличимой от обычнойковки – нагрудник с символом Дома Золотой Розы, наплечники, поножи...

Кевлар. Десант. Самолет. Гаубица.

Звездная корабль.

Шоколад.

Любовь.

Что происходило с ним, эльф знал, но что случилось с Эалой? В чистейшем воздухе словно искрились незримые крошки горечи, а в дуновении теплого, ласкающего осеннего ветра вилося предчувствие беды.

«Враг здесь. Да».

Орк свербяще поднывал рядом.

– Тайтинги-и-иль... – Он скрещивал ноги так и эдак, возился, пытаясь загородиться, но лучше не становилось. – Я без трусо-о-ов, Та-а-ай... и я огр-ромный... мамочки, бицу ха какая, самому стр-рашно... ты на меня только посмотри-и-и...

Эльф рассмеялся, возвращаясь из внутренних чертогов.

Кругом были луга, желтел перелесок, чуть дальше угадывалась излучина небольшой реки...

– Точно не Клязьма, Тай? – растерянно спросил орк. – Или я вот, помню, в Кр-расноярске был... похоже чуть...

– Мы в тех землях, где я живу. Вот Светлоструйная. Значит, неподалеку Нолдорин. До него от силы полдня хода, если знать тропы. Мы...

– Хода? – мявкнул Котов. – Я в Беломор-рье находился. Ножками. Пока др-ракона искали, ну. Ох, пр-рохладно у вас тут... Такси нету, да?

Он пытался натянуть до колен остатки поло из пострадавшего от его новых размеров трикотажа. Поднял взгляд на Тайтингиля – и осекся. Из тонких ноздрей эльфа снова стекала яркая струйка крови. Орк поднял лапу, указывая, но слова не успели.

Из леса с гудением вылетела длинная стрела. Наточенный наконечник обжег острое орчье ухо. Азар взвизгнул, вертанулся на месте, как ужаленная пчелой собака, и спешно прикрыл руками голову.

– Вниз! – коротко приказал Тайтингиль. Он рывком откинул волосы назад, напряженно вглядываясь в кромку леса. – Пригнись, быстро!

– А ты-ы?

– Я скажу стражникам, кто ты таков.

Орк покорно присел, эльф выпрямился и сделал шаг в том направлении, откуда прилетела стрела, заступив его.

Витязь стоял, смотрел на приближающийся патруль. Измученный недавним боем, но безукоризненно прямой, статный. Безоружен – меч, обретенный в северном озере иной складки Эалы, был вбит в тело Цемры где-то в космосе и остался там навсегда.

Но меч – лишь предмет. А суть витязя остается неизменной.

Азар моргнул. Он видел ее сейчас, эту суть – тонкое золотое сияние, пульсирующее вокруг Тайтингиля.

Из-за перелеска мчался небольшой конный отряд эльфийских воинов. Эльфы были в легких доспехах, хорошо вооружены. Тайтингиль видел, как передний, ясноглазый, черноволосый, щурится поверх тетивы, чтобы выпустить еще одну стрелу, на сей раз – точно в цель.

Златой витязь, перехватив его взор, поднял руку.

– Я здесь!

Всадник мгновенно оценил обстановку – присевшего на корточки громадного орка, пытающегося прикрыть одной рукой круглую лысую маковку, а второй – все самое ценное помимо головы; и непоколебимого, легендарного Тайтингиля, который горделиво стоял подле.

Эльф круто осадил жеребца – тот всхрапнул и заплясал, роняя пену с губ.

– Тайтингиль!

Спешился, бросился вперед. Остальные приближались мыкающим полукольцом. Дюжина великолепных всадников...

Котик загляделся и заулыбался. Двое – точно девочки. Даже три... три!

Не сводя взглядов с орка, девушки перемолвились – мелодично и непонятно.

– Здравствуйте, я Дима, – сказал Азар и приветливо, по-московски улыбнулся. Увидев эту улыбку, ближняя лошадь всхрапнула и заплясала.

– Тайтингиль, – выговорил черноволосый, – ты словно из битвы, словно из пасти демона. Ты в крови...

– Лантир из стражи дайна Виленора, и я приветствую тебя. Я впрямь из боя. После того, как я посещал Нолдорин в прошлом году...

В позапрошлом, Тайтингиль. – Стражник прищурился. – В позапрошлом году Виленор беседовал с тобой последний раз. Ты долго отсутствовал, светлейший. Дайн уважает твой выбор жить отшельником, призывая в случаях исключительной важности. Но нам всем было странно, когда так долго никто не смог отыскать тебя, Тайтингиль Заступник.

– Я пришел точно в тот миг, когда был должен, – проворчал Тайтингиль, разглядывая кровь на пальцах. – Лантир, дай плащ орку. Я бился с ним плечом к плечу против... страшного врага, мы не заслужили такой встречи. Вели стражникам убрать оружие.

– Орк не пленник?

Снизу протестующе мявкнуло.

– Плащ, – сказал Тайтингиль, протягивая руку к одному из стражников, – дай мне плащ.

– Мне нужна твоя одежда, очки и мотоцикл... – сопел орк.

Витязь бросил тяжелое шелковое полотно Котову.

– Многое меняется, – проговорил он, пока Котяра пытался соорудить из просторного куска ткани подобие гаремных шаровар, постреливая на девочек ясными очами. – Орк мой

оруженосец, хоть ранее он был прославлен иначе. Что же, я здесь, и я желал бы скорее достичь Нолдорина, Лантир. Дела не требуют отлагательств.

– Бери лошадь, – кивнул Лантир. – Леррис и Сиаль приведут орка.

– Орка, – сказал Тайтингиль, – хорошо было бы тоже посадить в седло. Я не буду расставаться с ним, Лантир.

– Орка? На эльфийскую лошадь?

– Она потерпит.

– А я, я потерплю? – встрял разволновавшийся Котов. – От нее пахнет! Я не так буквально говорил про мотоцикл...

Эльфы переглянулись.

Тайтингиль принял от Лантира лоскут шелкового полотна и вытер лицо.

– Помоги ему сесть на коня.

– Я без белья, – причитал орк, – голым задом на седло... негигиенично как!

Лантир фыркнул – более громко и злобно, чем требовалось. Тайтингиль хорошо знал его; некогда служивший у властителя лесных эльфов Оллантайра, непримиримый и резкий нравом, Лантир не смог вынести того, что господин решил слить душу с чужеземкой, с человеческой женщиной. Теперь, по согласию с прежним Владыкой, Лантир всецело принадлежал дайну Виленору. Он не любил людей, этот гордый эльф.

А орков он не любил стократ сильнее.

– Скажи, Лантир, – произнес витязь, – скажи, как вы столь быстро отыскиали нас? Место это у Светлоструйной не приметное.

Котов встряхивал остатки своей прежней одежды, вытаскивал из уцелевших карманов плитки шоколадок и пакетики сухарей – хозяйственно переложил провиант в более подходящее место. Лошади всхрапывали и прядали ушами на мелькание и шорох оберток; эльфы смотрели во все глаза.

– Мы увидели яркую вспышку. Небывалую вспышку! В светлом небе точно сгустились тучи, и ударила молния, будто в грозу... так может делать Оллантайр в Вековечной Пуще, но на сей раз ни капли воды не упало на землю. Мы оказались неподалеку, выехали немедленно и нашли вас.

– Вспышка эта была... единственной?

«Мастер Войны. Дракон. Где же они?»

– Да, Тайтингиль. Единственной.

Витязь обменялся взглядами с орком.

– Черт его знает, – уныло сказал Котов, стараясь держаться поближе к своему эльфу и подальше от пляшущих и храпящих животных. – Чер-рт... жаба белоглазая везунчик у нас. Может быть, вер-нулся к своим... звездам.

– Отыщем, – кивнул Тайтингиль.

– Стража останется возле вас, – сказал черноволосый эльф, – слишком уж необычна фигура твоего оруженосца.

Котов как бы между прочим сделал позирование на трицепс.

– Не завидуй фигур-ре, кр-расавчик, – ласково муркнул, сияя глазищами. – Фр-ранцузский жим, р-румынская тяга – и будешь не хуже, не ху-уже...

Среди нескольких раздавшихся смешков парочка была точно женских – Котов снова улыбнулся аудитории, но, судя по мгновенно воцарившейся тишине, это оказалось лишним.

– Тайтингиль, – примирительно сказал Лантир, – вот кони, Ари и Лэм. Феррен поскачет вперед, предупредить Виленора. Эльгир и часть отряда останутся, чтобы продолжить пикет, а вас с... с... ним сопровожу я, Леррис и еще несколько эльфов. Но возле Нолдорина орка придется связать. Ты знаешь правила.

Орк перестал тянуть мышцы, сдулся, нахохлился снова.

– Посмотрим, – объявил витязь и коротко кивнул оруженосцу – тот, схватив шлем, наскоро сунул в него шоколадки, пакетики сухариков, ключи от машины... пнул ногой разорванные тряпки, в которые превратилась его одежда, и выпрямился. – Котов, отдай мне свои припасы и садись. Эльфы помогут тебе. В Нолдорине подберу тебе особую лошадь, а пока согдится чужая.

– Чер-рт, – упавшим тоном выговорил Котяра, посмотрев на роскошную мощную кобылу; кобыла недоверчиво уставилась на него. – Косит лиловым глазом, блин. Ну л-ладно. Кор-рабль... тур-рель. Лошадь. И это пер-реживу...

Глава 2

Драконья кровь

– Итак, вы не отрицаете, что нанесли телесные повреждения гражданке Алешиной Ольге Ивановне? – спрашивал усталый милиционер. Кабинет был сер, относительно отремонтирован и кондиционирован; за дверью в коридоре отделения сидели Ирма, Вадим, молчаливый злобный Шурман и даже Ленка. – В больнице она, без сознания увезли.

Алинке было холодно и безразлично.

– Я нанесла, – равнодушно сказала она. – Я взяла пепельницу и нанесла этой шкуре удар по голове, когда она стреляла. А сознание... она в него по жизни не приходила.

– Комментарии свои при себе оставьте. В кого она стреляла?

– Мне казалось, что около бачков стоит человек, – тихо выговорила Алина. – Показалось. А Оля, наверное, просто палила по мусорке. Характер такой.

– Характер, – крикнул следователь. Дело мутное, непонятное дело; сам он был тоже мутный и несколько похмельный, и ему здесь не нравилось ровным счетом ничего, в первую очередь «глок» боевой с глушителем и без документов. – С Олей твоей мы отдельно разберемся, как только врачи разрешат. Ты мне скажи, кто еще с вами околачивался? У мусорки – россыпь драгоценных камней на сумму... такую сумму государство тратит в год на содержание всей полиции Москвы. И лужа крови, от экспресс-анализа которой с судмедэкспертом приключился припадок. А следов нет. Ни одного. Так что увы... не пройдет. Объясняй.

– Крови, – бесцветно выговорила Алина. – Крови... я понятия не имею, что там за камни и что за кровь. А Оля... я не люблю Олю. Она увела моего жениха. Трахалась с ним в туалете прямо в день помолвки. У меня дохрена мотивов. И свидетелей. Я увидела, что она с пистолетом идет. Взяла пепельницу и ударила... суку.

Следователь выдохнул.

– Ну что же, а теперь – еще раз...

В этот момент дверь открылась без стука – вошел еще один полицейский, молодой, но уже немножечко лысеющий, по фамилии Ларионов и прозвищу Ларри; следом – почтенный предприниматель и депутат, а по совместительству король под-московных гномов – Иван Андреевич Монахов. С ним был степенный дядька в элитном костюме – такой же коренастый, крепкий, с характерными кустистыми бровями и выбритой до синевы угловатой двергской челюстью.

Следователь нервно вздохнул.

– Ларри... тебе чего?

Пришедший полицейский наклонился к уху следователя и зашептал; Монахов доброжелательно кивнул Алине, а явившийся с ним галантный джентльмен представился адвокатом и раздал всем присутствующим пучок щедро золоченых визиток.

– Черт-те что! – рявкнул следователь, разгневавшись окончательно. – Ларионов, ну вот как такого рода дела – сразу ты! Конвой! Уведите ее, пусть посидит ночку, пока я чуть разберусь, у меня еще куча допросов!

– Ты, Савельев, не нагнетай, – примирительно выговорил Ларри, – о пропаже камней Иван Андреевич вчера заявил.

Дверг с достоинством кивнул. Да, мол, Иван Андреевич; и да, заявил.

– Вот камни и нашлись, хорошо же, – продолжал прибывший служитель закона, – это значит раскрываемость! А кровь нечеловеческая вообще, в ней хромосом знаешь сколько? А нет человека, как говорится... Ты на девочку не дави. Самооборона, вот и господин адвокат подтвердит. Она в шоке была от сорванной свадьбы. А тут пистолет. Не нагнетай.

– Ты не лез бы, Ларионов! Это пока мое дело! Я никаких заявлений от Ивана Андреевича вашего, – Савельев подчеркнул, что человек с таким шнобелем ну никак не может быть Иваном, а тем более Андреевичем, – не видел, понятно? И анализа этой самой крови тоже! А налицо – нанесение телесных повреждений! Сто двадцать первая, это можно лет пять впаять. Для начала, по закону, девка сорок восемь часов может в ИВСе провести. И проведет! Золотая молодежь, тьфу!

На несколько минут все смешалось: мужчины заговорили разом. Алина зажала руками уши.

В конце концов ее куда-то повел за локоть полный полицейский, от которого немилосердно пахло допотопным одеколоном; казалось, что потолочные споты качаются, стены сжимают девушку, и вот наконец Алинка потерянно села на какую-то то ли лавку, то ли узкую постель, и в руки ей сунули застиранное флисовое одеяло. Она набросила его на плечи и с ужасом прислушалась к лязгу металла и ключей. Ее и впрямь посадили в изолятор временного содержания.

Алина сжалась, подтянула ноги к худенькой груди.

Кровь.

Мастер Войны. Ее звездный мужчина без имени и без нервов.

Империя Йертайан.

Кровь!

Она обхватила себя за плечи. Нет, не то, не так... это не спасало и не защищало. Касания его рук были нестерпимо горячи и приносили неведомое ощущение опасности и свободы одновременно. Она слушала шепот: «Алина, ничего не бойся, Алина, я твой теперь...» – и верила. И обнимала сама, впиваясь губами в жилы на его шее. «Вы не чувствуете? Совсем ничего? И даже так?» – «И даже так, да... но это не важно, не важно...»

Мастер Войны!

Вдали утихал голос адвоката, примирительным тоном говорившего, что девочку надо бы определить в камеру почище, получше, без соседей. Савельев раздраженно отвечал, что изолятор временного содержания – вовсе не курорт и раз девка умеет бить других пепельницами, то и тут будет прекрасно себя чувствовать.

И плевать, сколько бабок у ее мамы.

* * *

– Ты мог бы быть и поубедительнее, Ларионов, – ядовито сказал Вадим. – Поубедительнее.

Полицейский виновато почесал макушку.

– Так я же сказал. Камни. Кровь. Чья это кровь вообще, а?

Вадим наморщил высокий лоб с залысинами.

– Какое тебе дело? Кровь не принадлежит человеку – значит, состава преступления нет.

– Таки вы правы, – с достоинством выговорил адвокат. – Ирма Викторовна, не извольте беспокоиться. Мы решим вашу проблему в самые короткие сроки. Ваша дочь выйдет отсюда в целости и сохранности. Сейчас она находится в изоляторе... одна. Максимальный срок задержания – сорок восемь часов. Я попросил, она будет в безопасности. Я. Попросил. Убедительно.

– Хорошо, хорошо... спасибо...

Ирму еще потряхивало после разговора с дотошным следователем. Она ничего не видела... кроме глаз своего эльфа, который исчез так же странно, как и появился. И думала сейчас о дочке, запертой в изоляторе... тюрьме?

И не только.

О господи. Мысли метались от теста к Алинке, которую ей так и не дали увидеть, и снова к тесту, к Алинке...

И к Тайтингилю.

И опять.

В поле ее зрения попал Шурман. Бармен был тем, кто видел эльфа в последние минуты его пребывания на Земле. Шурман сидел в углу на стуле – взъерошенный, нахохлившийся, дулся.

– Ты не помнишь, Шура? – тихо сказала Ирма, подходя к нему вплотную, оставив мужчин разговаривать. – Ты не помнишь, что он говорил? Тайтингиль, эльф. Высокий, с золотыми волосами... что?

– Не помню, – буркнул Шурман. – Не обязан я все помнить. Ирма Викторовна, ну мне было чем там заняться.

Ирма стиснула пальцы. Тест с двумя полосками лежал в сумочке в машине, машина стояла около здания отдела внутренних дел. Тайтингиль не знал. То есть она надеялась, что он будет настолько волшебным, ее эльф, что предугадает – и оставит хотя бы какую-то весточку зануде Шурману...

Чуда не случилось.

Пора было привычно брать ситуацию в руки. В эти самые, судорожно стиснутые.

– Вадим, отвезите Шуру на работу, – сказала она строгим, хорошо отработанным тоном, – спасибо. Яков Ааронович... Иван Андреевич, я очень благодарна вам за заботу о моей семье. Господин адвокат... – Ирма заглянула в золотой прямоугольник визитной карточки, – Давид Шмулевич, вы проследили, чтобы Алина была, – голос нервно дрогнул, – в отдельной... камере?

Адвокат коротко поклонился.

– Таки она в полной безопасности. Я работаю, завтра Алина Николаевна будет дома.

– Сейчас планируем поехать в больницу, пообщаемся с этой Олей, – негромко проговорил король dwarves, – у нее не самое лучшее досье. Думаю... договоримся, она откажется от претензий. К тому же неясно, как она объяснит происхождение пистолета. И камни... В общем, Ирма Викторовна, не беспокойтесь. Олю я беру на себя, обвинение предъявлено не будет.

– Я не беспокоюсь, – сказала Ирма. – Я. Не. Беспокоюсь. А теперь нам всем пора идти. Я буду завтра здесь в семь. И вы. Завтра.

Ирма наконец увидела в конце коридора яркий тюрбан и расшитый пайетками жакет, плиссированную юбку в пол, и прибытие моральной поддержки в виде пожилой, но невыносимо пафосной Натальи Петровны вынесло ее из напряженного состояния управления Вселенной в полный аут...

...Хлопочущая Наталья Петровна угостила женщину коньяком из фляжки, выхваченной из крохотной сумочки с видом завзятой фокусницы. Ирма прижала посеребренное горлышко ко рту и слегка тронула пряный напиток губами – нёбо обожгло, но и сознание вернулось вмиг. Наталья Петровна обняла, многократно назвала Ирму деточкой и погладила по голове; мужчины разбрелись выполнять поручения. Полицейский Ларри раз или два появился с пластиковыми стаканчиками воды и рассосался в казенном доме, точно его и не было.

– Завтра заберете машину, Ирма, завтра, детка. Поедёмте на моем агрегате, – снисходительно говорила Наталья Петровна. – Все равно завтра за Алиной сюда надо будет, вот и заберете. Это полиция... тут сильно не угонят, максимум разуют.

И теперь Ирма дремала на пассажирском сиденье жигуля около одуряюще пахнущей «Опиумом» Натальи Петровны. Даже спала, внезапно обмякшая, выдохшаяся, обессиленная. Снились ее привычные кошмары, но с добавлением нетипичных деталей. Якобы она приехала на море, но почему-то у нее только один день на всё; Ирма бежала по пыльной улице между

сухих кустов и утлых лачужек, бежала и понимала – не успевает, по необъяснимой причине пляж сейчас прекратит работать, а в аэропорт ей тоже не вернуться. Ирма во сне заплакала от бессильной ярости, страха и тоски, опустила на придорожный камень, закрывая лицо руками, – и вскрикнула.

Рядом с ней сидел большой черный паук и внимательно смотрел холодными белесыми глазами с острыми вертикальными зрачками.

Ирма вскрикнула и дернулась – ремень безопасности удерживал ее в глубине не самого комфортабельного автокресла, а мимо плыла сияющая ночными огнями Москва.

Затрезвонил айфон. Незнакомый номер...

Знакомый голос.

Алина кричала в трубку, задыхаясь:

– Мама, мам, пожалуйста, приедь обратно, пожалуйста, вытащи меня отсюда! Дядя Вася Ларионов дал позвонить, на минуточку, мам! Как вы уехали, мне сюда сразу двух теток подсадили, цыганок страшных, мама, они докапываются ко мне, помощи, я не хочу тут быть, не хочу-у-у-у, мама! Меня заперли-заперли-заперли...

Гудки; Ирма похолодевшей рукой стиснула стеклянное тельце телефона.

– Ого, – сказала Наталья Петровна, прекрасно расслышавшая заполошные крики Алины. – Так у нас еще не вечер, получается. Разворачиваюсь. Только не рыдать и не падать в обморок. И не такие учреждения брали.

Пока Наталья Петровна искала место для маневра, Ирма дрожащими руками гоняла список записной книжки.

С каждым звонком было все хуже: король dwarves не брал трубку, а телефон адвоката вовсе был выключен, начальник ее собственной службы безопасности что-то беспомощно мямлил об отсутствии опыта работы с уголовными делами...

* * *

Ирма, стискивая айфон, кусала губы. Кому позвонить? Оставался еще один вариант. Крайний. Последний.

Ноготь с акриловым типсом с ненавистью ткнул в экран.

– Че, мать, че? – слышался торопливый сиплый говорок. Вася-Брови. – Доброго тебе здоровичка, на! Мать, матушка, благодетельница! – раболепно задышал Вася. – Как дела твои, все чики-пуки? А может, обидел кто? Ты только скажи, всех ушатаем!

– Вася, – дрогнувшим голосом сказала Ирма. – Моя дочь в тюрьме.

– Опа-на! – Голос Васи прозвучал радостно, даже гордо. – По серьезке малолеточка! Мокруха? – В вопросе была явная надежда.

– Вася. Нет, не в тюрьме, я неправильно выразилась... Алина в полиции...

– В изоляторе временного содержания, – со знанием дела произнесла Наталья Петровна, открывая окно. Прикурила и прицельно выдохнула дым в ночь.

– Помоги мне, Вася... К ней в камеру посадили каких-то уголовниц! Этот следователь, он сделал все назло, мы просили, просили!..

Ирма до боли закусил губу, чтобы не разрыдаться, слабо и позорно.

– Из ментовки дочку выкрасть? Ох, матушка... не вели казнить, этого не могу, на, пардону просим, чо...

– Ну я не знаю, Вася... подселить к ней в камеру кого-то... своего. Чтобы защитил. Меня... мне... кажется, меня некому больше защищать...

И она все-таки заплакала – беззвучно, неслышно. Вася еще говорил, что ему некого направить на помощь Алинке, он вроде как законник, а законникам никаких женщин не полагаются, да и кругом одни шкуры, а надежную бабу найти непросто...

– Дайте уже ему отбой, этому шантрапе, он и так узнал слишком много, – заговорила Наталья Петровна, выдыхая пряную дымную струю. И продолжила после мхатовской паузы: – Мой папа, Ирмочка, был известным профессором-математиком. У нас имелась дача в трех часах езды от Москвы. Недалеко от дачи был колхоз, а в нем пастух – совершенно очаровательный и глубоко пьющий мужчина по имени Владимир.

Ирма опешила, замерла, царапнув стекло айфона.

– Позже сам профессор Успенский поражался многообразию лексических форм обценной¹ лексики, которые я почерпнула во время конных прогулок на летних каникулах. Я вступаю за Алину. Не волнуйтесь, деточка. Мы не пропадем.

Ирма на секунду замерла... и с шумом втянула воздух через нос.

Все складывалось очень, очень странно.

... – Что у вас? – не приветливо встретил женщин дежурный. – Ограбление? Заявление написать?

– Уважаемый, – вкрадчиво сказала Наталья Петровна тоном пантеры Багиры из мультика про Маугли, – не могли бы вы оказать нам невероятную любезность и выслушать нас?

– Поговорить пришли? – нелюбезно выговорил полицейский. Явившиеся тетки с виду выглядели прилично, на одной была дорогушая одежда и в руке айфон стоимостью в два месячных оклада дежурного; вторая оказалась старухой с явной чудиной – из тех, что ходят по московским паркам в любое время года без лыж, но с палками.

– Наталья Петровна, – тихо сказала Ирма. – Я не знаю, что делать...

– Сядьте, деточка, – глубоким голосом сказала писательница, указав на одинокий стул у кулера. – Попейте воды.

Она достала эмалевый портсигар, на глазах оторопевшего полицейского со вкусом выбрала сигариллу, приладила ее в алых устах и высекла флаг пламени из байкерской бензиновой зажигалки.

– Женщина... – оторопело выдохнул дежурный; от шока он даже встал из-за пульта и пошел навстречу странным особам. – Вы что... тут нельзя... совсем уже!..

Спасибо за заботу. Я перебарщиваю с куревом, да. Но такая уж выдалась ночь, мой милый. Если говорить кратко, – Наталья Петровна выдохнула струю ароматного вишневого дыма и в довершение сделала колечко, – я хочу к вам в изолятор, юноша. Я. Хочу. Вы как предпочтаете, чтобы я дала вам взятку, свое удостоверение члена Союза писателей или попросту в нос?

– Откуда вы только взяли на мою голову, а? Вам зачем в камеру? Зачем вам? Все закрыто! Все ушли!

– Я писатель, – сказала Наталья Петровна, распахивая кошелек. В кошельке были бумажки приятного персикового цвета. Много. Наталья Петровна демонстративно уронила на пол две... три.

– Надо протокол же оформлять, задержание и так далее, – застонал полицейский, косясь на валяющиеся на полу денежки. – Писатель... с ума сойти. Спасибо, что не журналист...

Ирма молча глотала воду, ее потряхивало.

– В нос. – Наталья Петровна шагнула к молодому высоченному парню так решительно, что тот попятился. – Ирма, детка, вызывай себе такси, – добавила она уже гораздо более мирно. – Через десять минут я буду в камере. Мы все же договоримся. Не так, так эдак...

– Десять минут? – растерянно промямлила Ирма.

– Десять минут? – ошарашенно выдохнул сотрудник.

¹ Ненормативная.

– Долго ли умеючи, да, юноша? – Наталья Петровна наступала. – Вот и Симочка так говорит... а пастух Владимир, помнится, по подобному поводу говаривал...

Ирма сжала виски руками и выбежала из отделения полиции. Ей в спину неслись залихватские матюки большого петровского загиба, произносимые хорошо поставленным дамским голосом.

Спустя не десять, а тридцать минут, в течение которых Ирма чуть успокоилась, дождалась такси и села в затертую временем и пассажирами иномарку с неприятным запахом салона, пробудился айфон. За это время женщина успела вспомнить про своего одноклассника, ныне полковника ФСБ Орлова и еще пару влиятельных лиц, назвать себя тупой коровой и уличить в развитии склероза, уверенно идущего на смену девичьей памяти.

– Я на месте, – вальяжно выговорила Наталья Петровна.

– Как вы... как вы пронесли телефон?

– Потом расскажу, детка. Мы с Алиной отлично досидим до утра, но мне придется отвечать за хулиганские действия в отношении представителя силовой структуры, – с достоинством и даже какой-то радостной ноткой сказала писательница. – Я даже не могу представить, во сколько раз это поднимет мои продажи. Вот, поговорите, но быстро. Туда, откуда я достала телефон, его вмиг не засунуть.

– Мам, – голос Алины дрожал, – мам, извини, я сорвалась, все нормально, я досижу... до завтра. Не все так плохо. Честно. Мам...

– Алина, мы выдержим. – Ирма постаралась, чтобы голос ее звучал твердо. – Мы. Вы. Дер. Жим. Ты там не одна, я люблю тебя, детка.

– И я тебя... – Послышался еще какой-то шум, другие женские голоса, и телефон пикнул, оборвав связь.

Король московских dwarфов был очень занят. Беззвучный айфон тихо покоился в кармане роскошного пиджака из слегка старомодной, но совершенно не устаревшей ткани.

Яков Ааронович Менахем, иногда представлявшийся Иваном Андреевичем Монаховым, стоял у больничной койки, на которой лежала растерянная, напуганная девушка. Яркая помада и золотистый тональник смылись, она была бледна, на голове – плотная повязка, под глазами синяки, на шее – ортопедический воротник.

– Вы кто, кто?.. Что вы... хотите?

– Зависит от того, чего хотите вы, Оля, – сказал Яков Ааронович мягко, даже ласково, но от звуков его спокойного голоса лежащую продрал озноб. – Мы внимательно наблюдали за вами. Многое знаем. Не все инициативы выглядели вашими личными. Понимаете, о чем я говорю? Вы неглупая девушка... импульсивная, но неглупая.

– Что... знаете? – хриловато спросила Оля.

Король-под-Москвой поддернул брюки и сел на жесткий больничный стул.

– Нужны факты? О вашей семье, о братьях и сестрах, которые попали в детский дом из-за алкоголизма родителей? О делах с наркотиками, о квартире, которую для вас снимает уважаемый пенсионер от искусства? Мы о многом знаем, Оля.

– Н-ну... – Алора-Лучница нервно облизала губы. – Н-ну...

– Вам грозит достаточно большой срок. Много свидетелей. Пистолет. Стрельба в баре, – проговорил dwarf, и его голос стал жестче. – Ты же понимаешь, только хорошая поддержка и много денег могут убрать эту маленькую проблемку. Но тот, кто дал средства на эльфийские ушки и израильскую грудь, не станет заступаться за тебя в уголовщине. А значит, со мной поговорить не только приятно, но и выгодно.

– Я слушаю...

– Нам все известно, кроме мелочей. Где, как ты познакомилась с тем, кто платил тебе за надзор за семьей Ирмы Викторовны?

– В баре... в баре. Мой наниматель... я его не видела никогда. – Голос Оли звучал хрипловато. – Он позвонил, номер не определялся. Так и общались. Он сказал, что рано или поздно будет момент... типа этого. Когда мне окажется лучше всего ничего не знать. Я и не знаю. Делала, что говорят. Докладывала по телефону... мне звонили и молчали. Конверты с деньгами клали в почтовый ящик. И... в этом не было ничего плохого. Ничего. Просто быть в курсе событий в этой семье. Наблюдала... сама или через Макса. Все.

– Стрелять по нашим гостям – это же не был заказ твоего нанимателя? – задумчиво уточнил дверг. – Такая неосмотрительность, Оля... зачем?

– Очередные деньги не пришли, – с отчаянием сказала девушка. – Потом не пришли снова. Я поняла, что подработка накрылась. Мне снова надо было... надо было... короче... зарабатывать. Иначе. Как раньше, ну. Я поняла так, что они... эти трое, невозможные!.. они испортили мою новую жизнь. Еще и Макс оказался сопливой дрянью. Я... не видела выхода, понимаете? И сейчас не вижу тоже. Я всем должна. У меня кредит на машину. Жилье не мое. Подруг... друзей нет. Все висит на волоске. А если я даже выкручусь по деньгам – куда мне? Обратно по вебке работать или в Ярославль вернуться? Нет, я нет, я не могу туда...

Она беспомощно заплакала. И это была не попытка вымолить жалость. Это был полный крах, и Монахов-Менахем это видел. О финансовых и слегка криминальных делах Оли-Алоры он был осведомлен лучше ее самой.

– Я допускаю, что ты сглупила, – медленно выговорил дверг. – А кровь?

– Что?

– Драконья кровь.

– К-какая?..

Яков Ааронович прищурился, скрестив руки на груди.

– Активная драконья кровь. Жидкая. Скорее всего, в каком-нибудь сосуде... бутылке. Весь персонал мы уже опросили. Осталась ты. Ты не видела драконью кровь?

– Я не понимаю, о чем вы говорите... я не понимаю... Там был настоящий дракон? Это разве не... голограмма?

– Последний дракон, – задумчиво произнес Монахов. – Настоящий, да, разумеется. Его кровь – ключ. Не может же эта история закончиться так однозначно. Я надеялся. Да. Что же, Оля... – Он встал, отступил на шаг, и девушка вздохнула, глубоко и чуть судорожно; ей показалось, что миновала грозная туча. – Ваш наниматель теперь не побеспокоит вас... если я прав. Мы поможем. Предложим своего адвоката. За незарегистрированное оружие будет условный срок. Более того, оставлю вам банковскую карту. – Он положил пластиковый прямоугольник на прикроватную тумбу. – Код простой, четыре шестерки. Тут достаточно средств, чтобы чисто и не привлекая внимания властей и банков, уладить все ваши дела. А затем... можете провести год-другой на южных курортах. Нам не интересно, чтобы вы оставались в Москве, Оля.

– Я поняла... – оторопело выговорила она. – Я не стану подавать заявление на Алинку... Алину... Николаевну.

– Вот и славно, – кивнул дверг и, коротко склонив голову, отступил к двери. Остановился. – Если вы что-нибудь пожелаете рассказать – звоните. Хорошим новостям мы всегда рады. Хорошим знакомым. Мы приедем быстро, только позвоните... если вдруг... вы понимаете? Мы очень заинтересованы в возможной встрече с вашим нанимателем. Вероятность мала, но...

– Я позвоню, – севшим голосом сказала Оля.

– Верю, – ответил Яков Ааронович Менахем, король московских двергов, и вышел из палаты.

Глава 3

Пауки

Эльф беззвучно замер на ветви.

Пауки. Меньше человека, но больше собаки.

Твари охотились за орками. Сверху было видно, как они бесшумно и прытко двигаются в зарослях, забирая отряд серокожих монстров в кольцо.

Орки переговаривались на искаженном наречии, делились на ходу грубым темным хлебом, пили из мятых металлических фляг. Эльф мог бы перестрелять весь отряд, но он ждал. Здесь происходило что-то новое, непонятное.

Он разглядывал снующие членистые ноги, вслушивался в еле слышный шорох острых коготков по мягкой лесной земле и ощущал исходящую от неведомых существ недобрую силу. Эльфы могли различать тончайшее дыхание сути, свойственное душам живых существ. Злоба. Ненависть. Яростный, неутолимый голод.

Словно искры незримой горечи, разлитые в ароматном осеннем воздухе.

Тут, на дальних границах земель Нолдорина, часто бывало беспокойно. А теперь много говорили о чудовищах. Сначала дверги увидели что-то в своем Подгорье. Потом люди принесли дурные вести.

Идущий спереди паук остановился и приподнялся на задних лапах. Эльфийка, плотно жавшаяся в толстый ствол недалеко от эльфа, вздрогнула.

У исчадия тьмы были внимательные белые глаза с вертикальными зрачками. Странные глаза, не такие, какие бывают у пауков.

В следующий миг жвалы твари раскрылись, и она испустила истошный режущий вопль. Пауки ринулись на орочий отряд молниеносно. Их было восемь или девять, но отчего-то они казались несметной ордой, закованной в безупречный черный хитин.

Ездовые волки хрипели, бросались на деревья в тщетной попытке избежать заостренных жвал и когтей. Сами орки кричали от ужаса и пытались сражаться – но членистоногие чудовища, даже потеряв половину лап, продолжали двигаться и биться, орошая лесной опад странной для таких созданий черно-красной кровью. Кровь дымилась, словно это был яд; пауки, не задерживаясь ни на миг, вскрывали черепа павших орков и насыщались, выжирая мозги.

Видевшие множество боев разведчики Нолдорина не двигались. Они будто окаменели, слившись с ветвями.

Отряд орков погиб в считанные мгновения. Шесть или семь ездовых волков, около десятка воинов Морума – тела с изуродованными головами остались валяться под деревьями. И всего два поверженных паука, в месиво изрубленные черными секирами – останки обоих еще шевелились, пытаясь даже после смерти жрать плоть...

Их выжившие собратья, перепачканные кровью и ошметками мозгов, причудливо кружили под деревьями, будто исполняли странный танец, будто являлись пальцами одной руки... пытающейся нащупать что-то тут, недалеко, найти вожака, такую вожака, что остановиться и уйти было невозможно.

– Дверги ничего не напутали, – прошептал Арвиль, едва шевеля губами. – Значит, правда... Новое зло пришло со склонов гор северного Морума. Нам надо вернуться в Нолдорин любой ценой.

Один из пауков снова поднялся на шести задних лапах, поводя по воздуху парой передних, нащупывая исходящее от эльфов тепло, пробуя на вкус их души.

...Арвиль встретился с пауком взглядом – и выстрелил. Вскинула лук и Тенарис.

Стрелы попадали в цель, пробивали природный паучий доспех, из-под которого плескало густым. Одна, другая, третья – довольно, чтобы свалить наземь самого крупного из орков. Но черные чудовища, исколотые, похожие на ежей, даже не вздрагивали и упорно двигались к двум фигурам, замершим на дереве.

– Гномы говорили правду... – вскрикнула Тенарис. – Они не чувствуют боли, не знают пощады! О, что за неведомая беда!..

Паук под деревом замер – белые глаза немигающе смотрели снизу.

А потом он прыгнул.

Движения уловить не удалось. Эльфийка дрогнула, воинская выучка помимо рассудка отбросила ее прочь. Она потеряла хватку, выпустила ветвь, за которую держалась. Лук полетел вниз, цепляясь за сучья. Тенарис упала следом, спиной в траву, перекатилась и вскочила. Паук уже стоял напротив – на четырех задних лапах, растопырив остальные. От маслянистых волосков на его теле исходил удушающий сладко-тленный запах.

У девушки предательски закружилась голова. Отвратительный враг.

– Арвиль! – вскрикнула Тенарис.

Ее возлюбленный метался поодаль, соскочив следом за ней. Флагом реял светлый хвост волос. Эльф прыгал, отбиваясь сразу от пары преследующих его чудовищ. Брызгала кровь – непонятно чья, алая, густая, горячая; свистел длинный меч.

– Тенарис! Отсекай лапы, разрубай тело и голову!

Эльфийка выхватила меч. Но паук не увернулся, не отскочил, не испугался. Серебряная рыбка эльфийского клинка мелькнула и звякнула, встретив сопротивление блестящего когтя. Враг парировал молниеносно – другой коготь вспорол кожаную одежду Тенарис, боль ошпарила тело девушки, в глазах потемнело. Второй удар она нанесла уже почти вслепую – и отрубила лапу; паук яростно завизжал, щелкая челюстями – это был крик ярости, но не боли.

– Арвиль! – вскрикнула лучница, зажимая рукой рану; клинок выставила перед собой.

Эльф отбил от чудовищ, перекатился – ближе к любимой. Еще раз взмахнул мечом и рассек одну черную тушу почти до половины; та заскребла лапами по земле, агонизируя в жутком молчании; сразу же всадил клинок по рукоятку в плоть другого паука, вспарывая хитин. Тугая струя крови ударила ему в лицо – оглушительный, мерзостный вкус. Арвиль мотнул головой, пытаясь сплюнуть...

И в спину ему вонзился огромный черный коготь.

Багрянец плеснул изо рта эльфа, взгляд сделался растерянным, недоуменным. Арвиль пошатнулся.

– Нет... – закричала Тенарис. – Не-е-ет!

Тонкий, высокий эльф упал медленно, как осенний лист.

Девушка всхлипнула, пальцы на рукояти меча сжались намертво, до боли в костяшках. Она ударила, рассекая черный глянec паучьего доспеха, ударила, и еще, и еще...

...Теперь все были мертвы.

Отряд неизвестно как зашедших в земли Нолдорина орков.

Один из двух разведчиков дайна Виленора.

Пауки с белыми глазами.

Трава под ясенями, светлая кожа стволов были залиты алым, багряным, всюду лежали изуродованные куски тел.

– Арвиль... Арвиль... – посеревшими от боли губами выговорила Тенарис.

Она шла на подгибающихся ногах, зажимая ладонью рану внизу живота. По бедрам текло горячее, густое, и она стискивала зубы – только не смотреть туда, только не смотреть. Дыхание со свистом вырывалось из сдавленного горла.

– Арвиль...

Девушка со стоном опустилась на колени.

Тело ее возлюбленного было разорвано на куски ужасными тварями. Часть головы с разметающимися светлыми волосами, намертво зажатая в челюстях огромного паука, лежала поодаль. Белые глаза чудовища в кровавом месиве не потеряли ни ярости, ни злобы, ни осмысленности.

Эльфийка стояла и смотрела, как жвалы судорожно сжимаются, пронзая плоть Арвиля. Ее Арвиля...

Она с отчаянным криком всадила клинок между белых глаз. Меж яростных белых глаз с вертикальными зрачками.

Упала на колени и заплакала – навзрыд, как маленькая девочка. Одинокая маленькая девочка посреди огромного леса, и теперь – одинокая навсегда.

Страшнее этого ничего нельзя было придумать, и жить было бы незачем больше, но... Тенарис двигалась точно в бреду – доставить весть дайну Виленору; долг вел ее. Подозвать тщательно схороненных лошадей. Взять доказательство. Туго затянуть поперек живота шелковый плащ. И, полагаясь на чутье верной кобылы, скакать в город. Привезти известие в Нолдорин... Сказать Виленору о великой опасности, о страшных, чернее черного, порождениях мрака – а потом уже догонять Арвиля в его странствии к Чертогам Забвения.

Уставшие лошади брели шагом.

Котяра пытался поудобнее уместиться на спине лошади, постанывая от разнообразных ощущений в отбитых ягодицах.

– Тай, – негромко сказал Котов.

– Не усекай.

– Ладно, Тайтингиль. Сними свои доспехи, сними. Жар-рко и тяжело. А у тебя кр-ровь.

– Нет.

Орк добыл из шлема шоколадку, развернул и вкусно зашелестел фольгой.

– Будешь?

– Давай. Если подумать, ваш шоколад смахивает на наш дорожный хлеб. Долго не портится, сладкий, отлично восстанавливает силы. Лантир?..

Черноволосый красавец посмотрел, как Тайтингиль откусывает от странного, коричневого, – и отрицательно покачал головой.

– Надо пересесть, Тайтингиль. Если мы хотим въехать в Нолдорин до заката, орка следует посадить на лошадь, которая несла меньший вес и меньше устала, и тогда мы сможем скакать дальше.

– Хорошо, – мирно отозвался витязь. – Так и сделаем.

После того как громадного Котяру со всеми предосторожностями стянули с седла, кобыла вздохнула с облегчением. А вот лошадь, которую предоставили вместо первой, – наоборот.

Тайтингиль жевал, чуть хмуря светлые брови. Лантир был напряжен, переводил взгляд с витязя на орка, который терял то повод, то стремяна. Неужели вот он, вот этот мог без устали скакать на щетинистом хребте ездового волка и еще рубить эльфийские головы? Легендарный Потрошитель Азар сильно сдал, решил Лантир. Это вполне простительно, если вспомнить, что он умер.

По слухам, не просто умер, а еще и утонул в озере, зимой, канул под лед.

Орк, ничуть не похожий на канувшего куда-либо, извозил клыкастый рот в шоколаде и теперь облизывался до ушей, ойкая и извиняясь.

– Котяра... что ты думаешь? Детям Цемры удалось опередить нас? – спросил Тайтингиль больше самого себя, чем Котова.

– Смотреть надо. – Тот чавкал, вытирался и одновременно умудрялся подмигивать Леррис, едущей рядом. – Мастер говорил, что попал к нам из будущего. Ты пр-ровел в Москве

от силы пару месяцев вместе с Мур-мур-манскими страда... странствиями. А тут прошел год, даже два. Да ведь?

Лантир согласно, но несколько нервно кивнул.

– Цемра могла заползти в такую складку... этой вашей... Эалы... где вр-ремя шло еще иначе. И выигр-рала. Не бой, но она выиграла это самое время. Понимаешь? Теор-рия относительности. Эх, блин, жалко, в кино тебя я не сводил... На «Интерстеллар». Там про это есть. Сидели бы на заднем р-ряду... ели бы поп-кор-рн.

– Выиграла время, – задумчиво сказал Тайтингиль, пропустив синеманию мимо острых ушей. – То есть и сам Мастер Войны может оказаться не только в ином здесь... но и в ином когда?

– Слушай, я не знаю. Не могу думать. У меня боли-ит все, ноет. Доедем до города, блин, давай таксопарк откроем. Бешено разбогатеем, говор-рю тебе, стартап классный!

Тайтингиль доел шоколадку и свернул фантик пополам и еще пополам. Огляделся и сунул в голенище сапога.

– Мне стр-ранно без Мастера, – помолчав, признался орк. – Он, конечно, жаба вр-редная, и др-разнился, но...

– Но он стал тебе другом, орк. Нам всем он стал более чем союзником. Другом, – выговорил витязь. – Можно только догадываться, куда именно Творец Всесущего, Сотворитель Эалы закинул воина со звезд. Но не следует отчаиваться. Рано или поздно мы встретим Мрира, и он ли, иной чародей, иная сила – поможет нам в поисках.

Осеннее солнце золотило листву; Эала простиралась вокруг всеми красками и запахами. Едва заметная тропа вилась по великолепным холмам между перелесками; временами взблескивали излучины недалекой реки.

– Воин со звезд, – вполголоса сказал Лантир едущему рядом эльфу. – Ты слышал, что они говорят?

Тот покачал головой.

– Тайтингиль Заступник всегда слыл... особенным.

– Общение с Серой Шляпой не пошло ему на пользу, и вот он вернулся с орком. Мрир и сам... в последнее время... а, ладно. Как это может быть: воин со звезд? Звезды – пылающие шары; все знают это. Они временами срываются с хрустального свода небес, гаснут, и из их метал ла можно отковать черное оружие, – назидательно проговорил Лантир. – Они бывают маленькие, с кулак, бывают больше коня размером, но... воин со звезд! Что за небылица?

Между тем берег реки показался и скрылся; перелески сменялись лугами и долинками, по опушкам Котов наблюдал множество грибных шляпок. Рябина красная и черная, отягощенные урожаем дикие яблони и груши, алые, желтые и еще зеленеющие кусты – путь несказанно радовал взор. Привычная хозяйственность надавила на кадык, но собирать все это явно ничейное и пропадающее богатство под напряженными эльфийскими взглядами было невозможно.

– Привал, – объявил Лантир.

Котяра с несоответствующим грозному орочьему облику жалобным мяуканьем выпал из седла, потирая все отбитое и отсиженное. И – припустил вокруг остановившихся полукругом коней техничной рысцей, считая на раз-два-три-четыре, размахивая лапищами в режиме утренней зарядки.

Эльфийки растерянно переглянулись.

На привале эльфы делились тонкими ломтями медового хлеба и вином. Возвратившийся с разминки орк настойчиво пытался накормить «девочек» шоколадом и увлеченно хрупал полупрозрачными «галетками».

– Одного хлебца довольно, чтобы взрослый мужчина сутки не чувствовал голода! – убедительно сказал Лантир.

– Врут, – отрезал Котяра и заполировал изысканную снедь «сникерсом».

После короткого отдыха и нового перехода показались предгорья – и с ними выточенные на фоне вечеряющего неба башни Нолдорина. Лес кончился. Земля тут будто разламывалась, вздымаясь Яхонтовыми горами, выворачивая наизнанку замшелую серость камней – и раскрывая небу узкое ущелье, перегороженное массивными воротами.

Скрытый град сверкал в скалах россыпью драгоценностей, но в нем оставалась едва ли двадцатая часть тех, кто когда-то наполнял улицы жизнью. Врата тщательно охранялись, и чужаков в Нолдорин не пускали. Но они, уже очень давно не считающие город Скрытым, поселились рядом. Ближайшая гора была изрыта двергским поселением, который сами гномы именovali Та-Кхай, а долина, расположенная с иной, нежели подъезжал отряд, стороны, заполнилась людьми. Мимо пролегли широчайшие дороги, ведущие во всех торговых направлениях этой части Эалы.

Миновали времена, когда эльфы свободно селились по миру, гордясь огромными, открытыми всем ветрам городами Первого народа. Войны и междоусобицы, кризисы и расколы оставили от прежнего великолепия лишь память, записанную в свитки, и отдельные владычества и земли. Эльфы удерживали самые благие места Эалы, исполненные изначального величия и напитанные силой. Но люди оказались более прыткими и плодовитыми, подгорные дверги – практичными и терпеливыми, а орки – неприхотливыми, многочисленными и свирепыми. Первосотворенные с их незыблемыми устоями, несущие мудрость, силу, красоту и множество древних знаний, – уходили.

Нолдорин являлся оплотом эльфов – одним из пяти последних. Снаружи великолепие города ничуть не померкло, но Тайтингиль слишком хорошо знал, что делалось внутри. В семьях эльфов давно не появлялось потомства. Дети Последней Зари родились около ста пятидесяти лет после того, как дайн Тенистой Пущи, король Оллантайр, взял в жены дивную чужеземку человеческой крови, и было их очень мало. Именно это стало причиной для Тайтингиля уйти за предел своего мира на поиски ключа к возвращению былого величия его народа.

К звездам.

Лантир поднял руку – вся кавалькада остановилась около россыпи камней. Тайтингиль чуть кивнул.

Навстречу кавалькаде из укрытия выехал светловолосый эльф в длинном плаще, накинутом на голову капюшоне. Его сопровождали двое пешеходных воинов, и от взглядов гостей не укрылось, что в их луки были вложены стрелы.

– Мигр-рационная служба, – определил Котов. – Тай. . . Тайтингиль, у вас документы спрашивают?

Встречающий обменялся парой фраз с Лантиром, слегка поклонился златому витязю и сообщил:

– Виленор говорил с гонцом и велел пропустить Тайтингиля Заступника в град беспрепятственно. Его и оруженосца, если витязь Золотой Розы ручается за него, кем бы он ни был. Пропустить свободно и сопроводить до самого дворца.

Тайтингиль наклонил голову, и длинная плеть золотых волос зашуршала, разворачиваясь потоком по доспеху.

Кони устало взбрели по каменистому склону, и врата Скрытого города, жемчужины эльфов, открылись для них.

Лошади звонко высчитывали шаги по мощеным улицам.

Котья вертел головой, оглядываясь. Нолдорин считался самым крупным и величественным из городов эльфов еще в древние эпохи – а ныне ему и вовсе не было равных. Высокие стены чем-то напомнили московский пафос сталинского ампира. Котов с наслаждением разглядывал легкие силуэты башен и изящно построенные дома, мостовую, в которую руками

двергов было вмуровано немало самоцветов Яхонтовых гор, деревья и роскошные, даже осенью изобилующие цветами каменные вазы; витые решетки, скульптуры, фонтаны.

Тут вообще было очень зелено и свежо, и Котяра жмурился, наслаждаясь красотой – и, несомненно, ностальгируя по городу и миру, ставшему ему родным за человеческую жизнь.

Подъемный мост, по которому прогрохотали копыта коней, оказался превосходно отлажен и крепок. На стенах и в проеме ворот стояла стража – тоже с луками на изготовку, и взгляды высоких, худощавых эльфов были профессионально-внимательными.

Тайтингиль ехал, погруженный в свои непростые мысли, и время от времени улыбался кому-то из горожан или приветственно поднимал руку.

– Слушай, а это что такое? – спросил Потрошитель Азар, осторожно указывая лапой на пустые окна одного из дворцов. Выющийся по стенам слегка порывевший плющ в сочетании с опустевшими провалами окон навевал печаль.

– Здесь никто не живет, орк. – Видя, что витязь не торопится с ответом, пояснил Лантир. – Никто не живет.

– Ох, – неподдельно огорчился Котяра.

– Эльфы... стали немногочисленны, – будто признаваясь в чем-то тягостном, выговорил стражник. – Они... мы... уходим в Чертоги.

– Это понятно, – отмахнулся Котяра. – Я пр-ро другое. У вас же недвижимость в центре города простаивает. Откр-рыли бы там что-нибудь, ну.

– Ты не понял, орк. – В голосе Лантира явно прозвучал металл. – Там открыто. Но там некому жить.

– Котов говорит, – сказал Тайтингиль, словно очнувшись от дремы, – что там, где он жил ранее, в домах есть торговые лавки... и... цирюльни, и бу-ти-ки...

Котяра просиял, ошарашенный понятливостью и вниманием эльфа к московской жизни.

– Я видел всякое в том месте. Я видел...

– В Моруме? – уточнил Лантир; он разнервничался. – Разве только в Моруме во дворце благородного эльфа могут устроить цирюльню, если бы туда попал сам дворец! При полном безразличии к памяти его предков, его рода... И кто же станет работать в такой цирюльне? Ни один эльф...

– Люди, – запросто сказал Котяра. – Люди. Меня азер-рбайджаночка стрижет, Сабина.

– Нолдорин – древний эльфийский город, – отчеканил Лантир, неприязненно поглядывая на его лысый череп. – Люди – там.

Он показал подбородком назад, за ворота – и прищипорил коня, заставляя принять в рысь.

– Чего он взвился? – надулся орк. – Что я такого сказал?

– Эльфам непросто принять мысли о том, что наши дни тут конечны и сочтены. Непросто. Допустить, что их могут сменить люди... а уж тем более – орки. Тебя могут бояться, – сказал Котику Тайтингиль. – Ты был известен здесь ранее, в этом обличье, и мои соплеменники прекрасно помнят тебя. Ты должен быть к этому готов. Люди тоже... они не узнают Потрошителя Азара, прошло слишком много лет, но им простительно опасаться орка. Ты понял?

Котик, который сутки назад был вполне себе московским хипстером и стопроцентно человеком, в котором воспоминания о прежнем бытии всплывали иногда – обрывками, деталями, кусками кошмарных снов, – явно хотел уяснить детали, подробности. Но он покосился на Лантира, вслушивавшегося в слова витязя слишком внимательно, и только кивнул. Ничто орочье не трепыхнулось в нем.

Впереди показался дворец властителя Виленора. Красивый дворец – белые стены стремились к небу, на открытых столпах башен день и ночь горели сторожевые костры, а половина легкой, летящей ажурной постройки вливалась, вращалась в древние скалы, окружавшие город.

Вестовые от самого входа в твердыню бросились с новостью к Виленору.

Известия оказались столь захватывающими, что Виленор, пока Тайтингиль страховал сползавшего с лошади Котика, покинул тронный зал и сам сбежал вниз навстречу гостям.

Худощавый и гибкий, правитель Нолдорина был одет в коричневый костюм из замши. Карие глаза, кольца каштановых волос, рассыпающиеся по плечам; высокую линию лба подчеркивал легкий венец.

И меч у бедра из бесценного оружейного серебра старинной эльфийской работы, густо набитый золотой чеканкой.

– Тайтингиль, дорогой друг! Ты вернулся из странствий? Мои гонцы не могли отыскать тебя нигде... кто это? Похож на...

– Долгая история, Виленор. – Тайтингиль вздохнул откровенно устало. – Это именно тот, кого ты видишь, но он переменялся внутри.

Правитель Нолдорина, выгнув бровь, покосился на витязя. Тот продолжал:

– Орк – мой оруженосец. Я странствовал, как и собирался, о чем говорил тебе много раз. Воевал в другом мире, с противником небывало сильным, и победил. Мы победили.

– Ну да, – согласился орк. – Цемру победили, паучиху злобную. Мы с Мастером Войны на космической корабле за ней – вот так. – Он показал руками, как именно. – Страшно, ужас, она меня мороками осаждает, перед глазами все мельтешит! Мастер и говорит – стрелок, вали в турр-р-рель... А ведь я стрелял, только когда отдел на отдел в «контру» играли...

Теперь Виленор глядел во все глаза. Как только Котов закончил свою непонятную речь, дайн кивнул стоявшему неподалеку эльфу в сером:

– Кэллир, подбери одежду для... этого... для него. Возможно, найдется нечто подходящее. Тайтингиль, не желаешь ли снять доспехи?.. Может, тебе... целителя? Не нужен ли немедля? Я вижу кровь на тебе.

– Я не нуждаюсь в целителе, дайн Виленор. Не беспокойся.

Тайтингиль улыбнулся уголком губ – и улыбка вышла резкой, словно потревожили старый шрам.

– Оруженосец поможет мне разоблачиться, пока для него подберут платье.

Котов взглянул в лицо Тайтингиля – и взялся за дело. На глазах правителя Нолдорина он аккуратно состегивал странные крепления – доспех лишь с лица выглядел привычно для взора Виленора; состегивал и переговаривался с витязем короткими рублеными фразами, не все слова которых были ясны. Кевлар, композит, амортизация, карабин...

– Потрошитель Азар не помнит себя, Виленор. Он переродился дважды, преодолевая складки Эалы. Теперь он таков, – выговорил Тайтингиль, отвечая на безмолвный вопрос Виленора. – Зачем меня искали, дайн? Лантир сказал, я отсутствовал очень долго. Что случилось тут?

– Многие ощущают беду, но не видят ее источника, – ответил Виленор. – Воздух горчит, на сердцах тревожно, точно к обычным бедам прибавились новые. Дверги стали реже ходить с караванами, люди наконец начали строить стену вокруг своего города, как я давно им говорил... Что-то надвигается, Тайтингиль Заступник. Что-то. А тебя нет поблизости.

– Есть многие иные, – спокойно сказал витязь, с удовольствием распрямляясь и потирая плечи. – Многие иные, кто встанет на защиту Нолдорина, Виленор. Я же был занят.

Котов сложил доспехи аккуратной горкой и теперь пытался, отойдя в уголок, влезть в шмотки, которые ему предоставили эльфы, – просторные холщовые штаны и просторную же, прошитую кожей грубоотканую рубаху, которая села длинно даже на его немаленький рост.

– Других здесь довольно. Но справятся ли они? Возможно, орки снова поднимутся. Возможно, грянет иная беда, – проговорил Виленор. – Я пока не знаю. Но чувствую. Морум давно молчит, точно Карахорт растерял все свои амбиции... так было с каждым Темным – он затихал на пятьдесят... сто... триста лет, а потом атаковал...

Котов мимоходом муркнул из своего угла, подпоясываясь чем-то похожим на атлетический пояс.

– Только и слышу: орки, ор-рки... Вы расист? Р-расист? – спросил он, по возможности манерно задирая плоский нос.

Тайтингиль посмотрел внимательно. Азар вольно ли, невольно скопировал манеры Мастера Войны империи Йертайан, да сияет вечно ее Белое Солнце.

– Р-расист? – поднял бровь Виленор.

– Тот, кто считает одни народы выше других, – терпеливо пояснил златой витязь. – Это слово из иного мира.

– Расист. Да, – выговорил Лантир в отдалении. Он снова нервно пощелкивал мечом, гоняя его в ножнах.

По знаку управляющего Кэллора двое слуг-людей подали запеченную во фруктах кабанию ногу, обложенную дичью, с медовой подливой, овощами и великолепным хлебом. Беззвучно ушли. Орк, не особенно церемонясь, плюхнул себе на тарелку изрядный кусок, и за ушами у него затрещало.

– Кухня фьюжен, отлично вообще! – похвалил он, салютуя королю двузубой серебряной вилочкой, мизинец на орочьей лапище при этом был куртуазно оттопырен.

Виленор мельком улыбнулся и повернулся к Тайтингиллю.

– Цемра. Ты сказал, что сражался с ней, поверг ее? – выговорил он. – Древнего демона, Мать Хаоса, Пожирательницу Благодати? Тебе удалось убить ее? Это было делом, которое погнало тебя за пределы известного мира, вопреки воле Сотворителя?

– Я сказал вообще-то, – муркнул орк, интенсивно жуя. – Про Цемру.

Витязь кивнул.

– Удалось, хотя я не ждал такого противника. Я шел в поисках света и иных путей, которыми могли бы пойти эльфы, иных, против Чертогов Забвения. А нашел первородное порождение Хаоса, извечно противопоставленное порядку Всесоздателя. Может, это и был тот самый другой путь для эльфов – убить Цемру. Может, это именно она порождала хрипы в дыхании Сотворителя, опутывала его светлые ноты темными нитями... и из-за них погибал и терял силу наш народ. Цемра слишком давно не показывалась, стала хитрой, перестала привлекать к себе внимание. Она была одержима... целью, Виленор. Убить – это было... сложно, но мне удалось. Нам. У меня были сильнейшие соратники, которых я ожидал увидеть тут... и, к горечи своей, не вижу. С нами был дракон. Я атаковал Цемру на Альгваринпаэллере. Стоит глянуть свитки у Мрира, я думаю, мы найдем это имя среди Древнейших. Возможно, его помнит мудрейшая Наиллирис. Также со мной был Мастер Войны, звездный воитель, на своем корабле... на своей корабле, да.

– Неслыханно! – Виленор поставил кубок на стол. – Ты всегда был особенным, витязь Золотой Розы. Я горжусь тем, что могу прибегать к твоей помощи, и ты отзывается – и делом, и мудрым советом. Но Цемра... почти сказка сегодня. Кто мог представить, что кому-либо из эльфов придется встретить ее как врага, лицом к лицу... да еще в некоем ином мире, о которых лишь Мрир иногда рассуждал, приняв сладкого вина сверх меры.

Он налил себе и Тайтингиллю – и металл звонко ударился о металл.

– Выпью воды, – сказал орк, – я после спиррртного дур-р-рак дураком, н-ну. А Цемра... я ее особенно и не р-рассмотрел. Но мне хватило.

Виленор выгнул тонкую бровь и соединил свой кубок с его кубком тоже. Стоящий около двери стражник-эльф разгладил лоб и постарался отвести взор.

– Я рад, – выговорил, отхлебнув, Виленор, – что ты не зря предпринял свой поход, Тайтингиль. Ибо в нынешние времена слишком многие грезят Чертогами Забвения... и готовы оставить Нолдорин, отправившись начертанными Сотворителем путями. Мы живем в боях,

Тайтингиль Заступник, и ты это знаешь. И боям этим нет конца и края. Каждый меч на счету. Эльфы хотят покинуть Нолдорин и рассеяться в бескрайних лесах. Но пока я правлю, этому не бывать. Мы не станем призраками лесов, гор и водопадов... не перестанем быть единым народом.

– Послушай... – Тайтингиль заговорил теперь совсем тихо, и Котов, чтобы слышать своего витязя, перестал хрупать хрящами, которых, к слову, в Москве совсем не любил. – Не время ссор и препирательств – ты сказал о беде, которая пришла сюда, и я знаю о ней. Цемра сумела создать себе потомство. Страшное потомство, Виленор. Вспомни легенды... вспомни, сколько раз нам приходилось истреблять пауков и уродов самого разного и непредсказуемого вида. Но сейчас... чем быстрее удастся собрать войска и отправить на розыски этих, последних детей Цемры... тем лучше. Иначе же они первыми могут найти нас. Я думаю, они окажутся опасны не так, как могут быть опасны животные. Они будут наделены злым рассудком и магической силой истреблять благодать мира... а ее у нас и так осталось немного. Немного, Виленор. С помощью насилия и жестокости Цемра создала пауков, плетущих тенета тьмы.

– Тайтингиль! Ты говоришь неслыханные вещи! И кто бы, кроме меня, поверил тебе? Подумай сам, как это звучит. Давно забытый Великий дракон, соизволивший встать на твою сторону. Давно забытое зло, Цемра, которой теперь пугают детей. Пришелец со звезд. Какая жизнь может быть на звездах, это же небесные камни? И ты был в другом мире, о котором рассуждали только философы, мудрецы, маги да дайна Ольва. Ты лишь предполагаешь. Но... Тайтингиль...

– Ну?

У меня есть резоны верить тебе, – признался Виленор. – Дверги знают больше, но не говорят прямо. Я усилил патрули, но три эльфа из малых пикетов пропали бесследно. Три! Тогда я велел отойти дальним кордонам и прибавил стражу вокруг Нолдорина и поселений двергов и людей. Я не могу позволить городу терять воинов. И думаю, что раз ты...

Дайн не успел договорить.

Резко хлопнула дверь. Лантир, нарушив покой трапезы, ворвался в малую залу дворца бегом. В руках у него был сверток.

– Плохие вести, мой король! Плохие вести!

Правитель поднялся из-за стола. Взгляд его остановился на узле плаща, пропитанного темным; на отполированный каменный пол капала кровь. Обедавшие поднялись – все, кроме орка, который хмуро уставился в столешницу, что-то бормоча.

– Что же, – напряженно сказал Виленор, – покажи.

– Покажи. Я хочу наконец увидеть врага, – вторил Тайтингиль. Усталость и сумбур отступали, а в глубине серых глаз поднималась гроза. Витязь взял со стола салфетку и прижал к носу.

Лантир положил сверток на маленький столик на витой ножке и пододвинул ближе. Развернул плащ. Ткань неохотно опала тяжкими складками... и любопытный Котьяра, все же потянувшийся посмотреть, не сдержал позорного визга; вскочил, закрывая лицо лапами, сзади с грохотом повалилась широкая кованая скамеечка, которую ему поставили вместо кресла.

На столе лежала отсеченная мечом часть отвратительно косматой черной паучьей плоти. Жвалами она впиалась в голову эльфа, превратив лицо несчастного в почти неузнаваемое месиво; торчал вырванный кусок гортани...

У паука было восемь глаз, остекленевших с выражением неопишуемой злобы.

Белых, с вертикальными зрачками.

Глаз Мастера Войны.

– Дети Цемры здесь, – медленно проговорил Тайтингиль. – Я опоздал совсем немного, дайн Виленор. Но я не мог прийти ранее.

Заложив руки за спину, он наклонился. Желваки его рельефного лица напрялись; напрягся и орк. Лантир замер рядом; повелитель Нолдорина глядел издали.

Это было страшное доказательство того, что, как пообещала Дочь и Мать Хаоса перед смертью, потомство ее и Мастера Войны атаковало родной мир Тайтингиля.

– Мр-рак и ужас, – наконец проворчал Котик. – Мр-рак и ужас.

Голос орка развеял страшную тишину. Тайтингиль выпрямился и убрал за спину поток золотых волос. Бросил на стол окровавленную салфетку.

Правитель Нолдорины выдохнул.

– Это Арвиль. А Тенарис? – тяжело выговорил витязь. – Они всегда были вместе.

– Она доставила это, – отозвался растерянный Лантир, в котором теперь не осталось ни на йоту обычной холодной надменности. – Сейчас она у целителей, но боюсь, ей лишь облегчат путь в Чертоги.

– А ведь они... эти стражники... были из лучших.

– Унесите и подготовьте погребение... предадим огню со всеми возможными почестями. Отправьте двоих... троих разведчиков к месту боя, отыщите тело Арвиля... то, что от него осталось. Будьте осторожны, – велел дайн. – Враг... очень опасен. – Он развернул плечи, металл венца поймал и отбросил острый отблеск. – Видно, пришла настоящая беда. Тайтингиль, сколько их может быть?

Застывшие белые радужки паука, казалось, сохраняли выражение вдохновенной, самозабвенной ярости. Стало легче, когда Лантир закрыл останки, собирая скорбный груз снова в узел.

– Много, я думаю. И каждый опасен.

– Какие жуткие у него глаза. – Правитель Нолдорины поежился совсем по-человечески.

– У этих созданий глаза нашего друга и союзника, дайн, – сказал Тайтингиль. – Воина со звезд. Ибо так вышло, что... враг происходит от него.

– Ага, вер-рно, – подтвердил Котик. – Пр-роисходит, чего уж там... Хелицер-ры, педи-пальпы... Какая только дрянь.

Эльфийский правитель резко выпрямился, с непониманием уставившись на витязя. Тот был невозмутимо сосредоточен, и Виленор ощутил непривычное и не положенное королю замешательство.

– Ну а что? – Котяра чуть оклемался. – В одной пор-ции эякулята спер-матозоидов – сорок миллионов. Это у землянина. А у жабы инопланетной...

– Жабы?

Взор Виленора остановился на орке.

Витязь молчал. Дайн видел, как свечение его души, чуть потемнев, пульсировало всполохами напряженных раздумий.

– Но где же мог оказаться он сам? – прошептал Тайтингиль. – Где Мастер Войны?..

– О ком вы ведете речь? Поясните же мне, я желаю знать, что за... друга и союзника вы обрели! – Голос Виленора звучал властными перекатами.

– Это гость со звезд, Владыка, – чуть грустно сказал витязь. – Я стремился к звездам и нашел того, кто сможет меня поднять ввысь... Нашел и потерял.

– Тайтингиль... – Виленор снова смотрел на высоченного, засыпанного золотыми волосами Тайтингиля. – Что же... ваш союзник... прародитель этой мерзости? Мне кажется, я вовсе перестал понимать, что происходит. И что говорит твой орк?

Эльф заложил руки за спину, поднял выше точеный подбородок.

– Во времена, предшествовавшие Огненному демону, – раздельно сказал он, – каждый из эльфов помнил, что Великая Паучиха, само зло по сути и по виду, чуждая всему живому Эалы, истово ищет себе супруга. В этом смысл всего ее существования – размножиться и покорить миры. Временами мечты ее воплощались, и ужасные выводки появлялись в наших пределах. Любые ее дети всегда были опасны, но Цемре не удавалось вдохнуть в них главное – разум. А

ведь более всего на свете она желала иметь потомство, способное мыслить, – чтобы покорять новые земли и народы... Она делала кладки, которые иногда спали веками, тысячелетиями, а потом оживали. Теперь же Цемра нашла супруга для себя у звезд, покорила его силой и понесла от него.

Тайтингиль помолчал. Молчал и Виленор.

– Цемра погибла, но то, что ты видел на столе, – это ее отпрыск от Мастера Войны, того самого пришельца со звезд, о котором я говорил. Это великий воин, поверь, дайн, и последний выводок Цемры, который она получила насильно, может оказаться непередаваемо ужасным. Тем важнее нам скорее найти... уничтожить пауков... и найти самого Мастера, открывшего путь с Земли в Эалу вместе с раненым Алыгваринпаэллором.

– Скажи, кого искать, – твердо выговорил дайн.

– Он невысок, черноволос, – ответил Тайтингиль, – быстрее эльфа, сильнее орка, а на вид как худенькая девочка-человек или эльфийский подросток. Его глаза белы, его зрачки – как нитки. Он убивает легко и всем, что подвернется под руки, и любит курения dwarves, и носит длинные одежды в пол, как женское платье или одежда волшебника, но алое.

– Ты поэт, Тай...тингиль, – муркнул орк. – Портр-рет прекрасен. Жабa он белоглазая, зловредная. И урка.

Король Нолдорина стиснул кулаки.

– Такой... жабe... у нас окажут достойный прием. Воины поскачут во все стороны от Нолдорина. Хорошо вооруженные пикеты. Отец... отец зла. Мы найдем его.

– Умерь свой пыл, дайн Виленор. Если ты подумал, что отец этой нечисти столь же нечист и от него надо избавляться в первую очередь, ты сильно ошибаешься. Если захочешь причинить ему вред, больше никогда не увидишь меня на своей стороне, – спокойно, но очень веско произнес Тайтингиль, глядя прямо в глаза властителю Нолдорина. – И лишь потеряешь воинов.

И тот выдохнул. Сказал совсем тихо:

– Чудеса. Орк-оруженосец. Великий воин, похожий на человеческую девочку. Звезды... Цемра и ее дети... Так история Оллантайра и его дайны может показаться доброй наивной сказкой. Ты, кажется мне, все же тронул некое извечное зло, витязь, которое не стоило бы будить. Цемра плодилась... не тут. Я так понял твои слова. Точно ли эти дела должны были касаться... нас?

– Оно не спало и шло на нас, Виленор, хоть мы и не видели этого. Уже в новом мире, столкнувшись с Цемрой, – горько продолжил Тайтингиль, – мне пришлось вспомнить и еще одно ее имя – Пожирательница Благодати. Я думаю, именно Цемра, собирая силы для новой своей свадьбы, сидела в складке Эалы, высасывая магию и светлую силу эльфов – а может, и других народов тоже. Именно поэтому у нас перестали рождаться дети, а люди стали жить короче. Где древние королевства, в которых правители восседали на тронах и по четыреста, и по пятьсот лет? Дверги измельчали и все больше стремятся селиться не могучими подгорными городами, подобными Дантриму, а ютиться возле людских и эльфийских поселений, служить и прислуживать. Эльфы рвутся в Чертоги Забвения. Драконы...

– Мы знаем, как и когда были повержены последние драконы нашего мира, – сказал Виленор. – В войне за дайну Ольву Льюэнь, сто пятьдесят лет назад. Огненная Глаурсмир, разрушительница Дантрима и Гейла, и ее неожиданные колдовские змееныши...

– Повержены, да... величайшие из великих, ранее непобедимые ни для кого и никогда, путешественники между мирами, они стали уязвимы для обычных стрел – пусть и откованных из черного небесного металла, – кивнул Тайтингиль. – Драконы пали, волшебников осталось два или три, древние дивные существа исчезают, словно растворяются, эльфы покидают пределы Эалы и устремляются в Чертоги Забвения. Ныне я думаю, что наш мир был болен Цемрой, хотя и не замечал этого, и она сосала силы незаметно и настойчиво, как это делает клещ

на холке оленя, – и олень может пасть. Силы истощаются, кровь делается отравленной, в ранку проникает зараза. А его силой питается паразит. Понимаешь, властитель?..

– Ну а что? Цемр-ры нет. Попробуйте снова, – с феерической бесцеремонностью выговорил Азар, доедая вынутое из мясного рулета печеное яблоко, – попр-робуйте...

– Что, что, орк? – грубовато спросил Виленор, уже начисто забывший об этом собеседнике.

– Детишек р-рожать. – И Котов воссиял на правителя Нолдорина прозрачными глазами; ностальгия о праздном московском времяпровождении сделала его прямолинейным. – Детишек. Напомнить, как это делается? Ну, пр-ри-близительно?

Виленор тряхнул головой – каштановые кудри рассыпались водопадом – и снова посмотрел на Тайтингилья.

– Ты полагаешь... ты полагаешь... это возможно? Ты смотришь шире, Тайтингиль. Ты смотришь поверх голов и всегда так смотрел. Скажи мне...

– Это возможно проверить, – мирно сказал витязь. – Возможно, Виленор. Я уверен, что дайна Аллиленен не станет возражать.

Лицо короля Нолдорина сделалось мягким, почти мечтательным. Но это длилось недолго. Сердце ударило два раза, три...

– После того как вернутся разведчики, мы закроем город, – сказал он. – Закроем наглухо, и ни одна смертельная напасть не коснется нас. Тысячелетиями Нолдорин стоял здесь... и останется стоять. Это один из последних оплотов эльфийского народа... и да будет так вечно.

Тайтингиль подался к нему.

– Вечно? Ты до сих пор думаешь, что в мире есть что-то вечное? Дай мне сотню своих воинов, Виленор... две сотни! Мы пойдем на разведку... я спрошу dwarves. И если надо, сразу вступим в бой, выслав к тебе гонцов. Ты слышал, что говорил орк? В нашем языке нет слова, чтобы счесть потомство Цемры!

Виленор замер, его тонкое лицо заострилось. Котяра оторопело подумал, что сейчас видит все тысячи лет, грузом лежащие на плечах коронованного эльфа.

– Тайтингиль... – Губы дайна прорезала невеселая усмешка. – Прошли те времена, когда ты командовал десятитысячными армиями. Прошли безвозвратно. Оглянись вокруг... Сотня воинов! Две! Это люди, которые живут рядом с Нолдорином, плодятся весело и легко, как... – Он махнул рукой и отвернулся. – Дверги! Дверги давно хотят занять это место... А эльфы уходят, витязь! Пока ты слушаешь... орков. Две сотни... Я не могу оголить город перед лицом новой опасности. Мы укрепим стены, подготовимся к осаде. Эльфы не пойдут гибнуть... сотнями... снова выступая щитом для прочих народов. Больше не пойдут. Только Нолдорин, Тайтингиль. И ни одного бойца вне стен.

– Извините, – сказал уязвленный Котяра. – Но вы видели же, как пауки по стенам лазают? Р-раз! – Он показал рукой. – Что им ваше укр-репление? Послушайте, что вам специалист говорит, пр-рофессионал!

– Замолчи! – неожиданно резко воскликнул дайн. – Замолчи и сядь там... орк! То, что тебе не отказали в гостеприимстве, – не значит, что тебе позволено советовать дайну! Замолчи!

Орк сел и затих.

– Я пошлю гонцов в Тенистую Пушу... в иные оставшиеся города, – медленно выговорил Виленор. – Я пошлю гонцов... и стану готовить Нолдорин к осаде. Расставлю лучников, и мы подготовим смолу для тех, кто умеет лазать по стенам... Нас осталось немного, но в конце концов... мы опытные бойцы.

– А как же люди? Дверги? – спросил витязь. – Ты знаешь, там, в Москве, где я был, они живут вместе, и...

– В Москве. Откуда ты принес... откуда к нам пришла Тьма, Тайтингиль? – жестко ответил Виленор. – Я не правитель ни людям, ни двергам, помни это. Я предупрежу их. Пусть решают сами. Может, пауков тысячи. А может, три десятка.

– Р-расисты вы. Со стажем, – буркнул орк. Огляделся и начал мстительно хрустеть яблочком.

Тайтингиль резко вдохнул, словно собираясь ответить, поспорить... и медленно выдохнул, скрещивая руки на груди.

– Ты сказал, что желаешь послать гонцов? Я поеду от тебя с вестью к Оллантайру в Тенистую Пушу. К Оллантайру... и Ольве Льюэнь. Может быть, по дороге удастся понять, сколь именно велико войско детей Цемры. И еще... нужно найти Мастера Войны.

Глава 4

Темный властелин

...Альгваринпаэллир умирал.

В последний раз его крылья обнимали небо Эалы, в последний раз воздух наполнял его грудь. Жизнь покидала дракона вместе с кровью, рассыпающейся на мириады бесценных капелек-рубинов. Тускнеющие глаза уже не различали землю далеко внизу – зато ясно видели иные пределы. Впервые за много тысяч лет он почувствовал, что безжалостная память успокаивается, отпускает истерзанную душу. Покой, такой желанный и недостижимый... Близки Чертоги Забвения – место его грядущего вековечного упокоения, царский подарок Перворожденного витязя.

Как в юности, Багрянец Небес рывком набрал высоту, торопясь достичь заветного края мира. Его ослепила внезапная, счастливая мысль – а вдруг! Вдруг она тоже там и ждёт его всё это время, золотокрылая, звездоглазая Вайрин – дождется, узнает...

Он взмахнул слабеющими крыльями, стрелой вонзаясь в небо; левое, сломанное в битве на заре времен, привычно подвело. Оно беспомощно скользнуло по тугой воздушной волне раз, другой – и обессилившее алое с золотом тело начало стремительно падать.

Камень к камню, ветер к ветру, огонь – к огню. Дымно-раскалённый след прорезал закатные облака над Морумскими пустошами.

* * *

...Мастер Войны умирал.

Его безупречное тело по-прежнему не чувствовало боли, и только пеленгатор, впаянный в запястье, заходил в истерику, пытаясь вызвать верную корабль на помощь.

Агонизирующие нейроны высвечивали обрывки воспоминаний. Мастер Войны получил пулю по своей воле. Он прыгнул, чтобы вытолкнуть бесполезное создание с линии огня. Спас того, кого следовало бы зарезать, чтобы зря не переводил кислород на борту. Кот-ту не хотел воевать с Цемрой, пытался дезертировать и чуть не плакал. Но тут впервые что-то изменилось в нем самом, Воплощенной Смерти. И когда та женщина с хищными глазами выстрелила, целясь в Кот-ту, – он прыгнул.

Пуля Алоры пробила печень и раздробила позвоночник, а потом произошло то, чего Мастер Войны не понял. Эльф – понимал и называл «магия»... Его рванула и закрутила неведомая сила, понесла куда-то. Разреженный воздух, холод. Стратосфера? Угасающий рассудок отмечал с привычной педантичностью – максимальный урон, падение окажется смертельным, рядом находится тело гигантского ящера...

Погибнуть подле ящера – какая ирония для того, кто воевал с цивилизацией чешуйчатых в просторах великого космоса!

Наверное, в крови проклятого дра-ко-на содержался токсин – смерть Мастера Войны звездной империи Йертайан омрачилась галлюцинацией. Низкие, шипящие голоса; золотые и алые всполохи; вдруг накатил испепеляющий жар – а затем нейроны взорвались лавиной импульсов, заставляющих тело выгибаться в судорогах, задыхаться, бить крыльями... крыльями?!

Он рухнул с высоты на каменный плац – так, что от боли потемнело в глазах.

Вот она какая, боль!

– Готовы ли войска мои?

Голос из-под закрытого наглухо забрала звучал грозно и глухо, но Червень знал – это хорошо, пусть будет именно так. Потому что вид лица его господина поверг бы в ужас и бесноватых орков, и тупых быкоглавов, и гоблинов, рассудок которых был плоше, чем у иных собак...

Там, под забралом, жило жуткое, непрерывно копошащееся месиво, посреди которого страшным клыкастым цветком багровел безгубый жадный рот. Таким он пришел в этот мир, в эту складку Эалы – Карахорт Пастырь Тьмы, нынешний властитель Морума.

Падение Таурона было оглушительным, и вся его чернь, вся мразь расплзлась в расщелины, забила в норы – и выманить их сюда, создать армию было делом непростым.

Карахорт смог.

Он вершил свою миссию планомерно и неотвратимо, сплотив под черными знаменами всех отверженных и павших, невзирая на расу. Играл на самых мощных чувствах, на изнанке темного нутра – на зависти, страсти, страхе. Карахорт позволял подданным воплощать любые низменные побуждения, торжествуя над поверженными, глумясь над останками, топча прах.

Высокая фигура под черным плащом, в наглухо закрытом шлеме, навершие которого было выковано то ли как корона, то ли как зубцы неприступной башни, горделиво приосанилась.

Армия была создана и жила.

Чуть поодаль толпился пяток орков покрупнее, среди которых выделялся скальный – Тхаш. Злой, словно демон, а не создание из плоти и крови, здоровенный, изуродовавший себя для пушей лютости шрамами и металлическими серьгами, набитыми куда ни попадя, он командовал не только сотней скальных, но и парой тысяч обычных. Гоблины истерически боялись скальных орков и под их командованием теряли какую-либо собственную волю вместе с крохами и так невеликого разума.

Червень – не боялся. Он был то ли орк-полукровка, то ли уродливый сын человеческий, то ли плод гоблинского кровосмешения. Не прибили в прошлую войну – хорошо; желания жить у него было предостаточно. Телом он был хил, и лысая голова на тощей шейке выглядела непомерно огромной. Спина сделалась горбатенькой от постоянных услужливых поклонов, но так было удобней скрывать плутоватый взгляд и колоть снизу вверх остройшей рыбьей костью, которую Червень прятал в потайных ножнах в рукаве.

Главное – он выживал. Причем возле самых сильных.

Он служил Карахорту с самого начала, пережив падение прежнего господина, Таурона. Великая башня прежнего властителя, рушась, не погребла кривобокое бледное создание под обломками. Он уцелел, и более того – снова был востребован.

– Готовы, Темнейший, – прихотливо изогнулся хребет Червеня.

Тхаш рявкнул; остальные военачальники по мере возможностей тоже подобрались.

Карахорт не удостоил прислужника и взглядом. Он смотрел от высокого окна на дальние горы, возвышающиеся уже за пределами Морумской гряды, – Синие горы, под которыми по сей день жило и процветало крупнейшее поселение dwarves. Не видел, но знал – далее простирались горы Яхонтовые и богатый торговый город Нолдорин, изви листо раскинулась на плодородных равнинах Светлоструйная и шумел кронами наглухо закрытый со всех сторон оплот гордеца Оллантайра.

Все это ждало его, дабы покориться и принять его власть.

Карахорт шагнул вперед.

– Я завоевал Юг, и его народы поклонились мне. Степные кочевники и люди пустыни теперь мои данники и вассалы. Я завоевал Восток, и погонщики птиц присягнули тоже. Теперь я желаю сделать своими сокровища непокорного Запада. Желаю идти на Север, туда, где еще остались строптивые народы, не признающие моего величия.

Огромная черная фигура повернулась к Червеню, и прислужник отступил. Он не боялся. Он знал, что господин был невыносимо, обреченно одинок среди своих в общем-то безмозглых войск.

Карахорт страшно тосковал по истовой преданности, по мягкой, сладкой лести, на которую не был способен ни один орк – но которая так привольно лилась из его, Червеня, кривого рта. Немного подобострастия, немного искреннего унижения и самобичевания – и всемогущий господин всякий раз оставался доволен и благосклонен. И Червень выживал. Снова. Рядом с сильнейшим.

Прислужник склонился, глядя в пол. Пол был нечист.

– Да, Ваше Темнейшество. Вы станете. Вы победите. Поработите. Они еще будут стонать под вашей пятой... и просить пощады.

– Да... – медленно выговорил Карахорт. – Да.

– Вы не пощадите никого...

– Не пощажу.

Иногда Червеню казалось, что господин утратил смысл, цель – и повелевает по привычке, тяготясь своей маской и своей короной... а может, и жизнью? Зачем ему эти войны, одна за другой, изнурительные и не дающие никакого счастья? Потому что в войне даже Всетемнейший никак не мог отвоевать для себя иной природы и нового лица...

Иногда Червеню даже казалось, что у него самого повелевать и покорять народы вышло бы куда лучше. Чему-то же он научился возле сильнейших... возле того же Таурона.

Временами Червень позволял себе думать, что Карахорт куда как жиже того, прежнего. Этот пусть и Всетемнейший – зато тот был Огненным.

Черный плащ вздыбился на сквозняке, открывая туго облитую доспехами фигуру, и Карахорт вышел из покоев к войску.

Они стояли построенными в каре: орки, гоблины, быкоглавы располагались под скальными навесами и выступами старой крепости, дальше размещались колесницы с косами в осях, смертоносные для пехоты и конницы. Наездники на громадных бескрылых длинноногих птицах придавали войску неуловимый шарм курятника, но их было немного. Эти странные люди вообще с трудом ладили с кем-либо иным.

На левом фланге построения ютилась кучка троллей, давно утративших былую лихость, голых и серых. Они в любой момент могли разметать и без того неровную линию, вовсе одичав. Использовать этих было особенно сложно.

Скальные орки, относительно чистые и более-менее единообразно вооруженные, находились выше и ближе. Гвардия.

Червень привычно вышагнул вперед, чтобы объявить о предстоящей речи господина.

Карахорт любил титулы.

Он умел их придумывать, Червень.

– Падите ниц, ибо перед вами Карахорт Темнейший, Пастырь Тьмы, Властитель Морума, поработитель Востока и Юга, попирающий волю народов, величайший...

– Ды... ракон, – вдруг низким басом выговорил один из быкоглавов.

Тхаш вздернул подбородок и схватился за булаву.

– Величайший дракон! – подхватил Червень новое славословие, но сообразил посмотреть туда же, куда пристально пялился скальный орк...

И замер.

И несмело разогнул спину.

В небесах рывкнуло, завывало, загудело. Моргнув внезапно заслезившимися глазами, Червень различил распластанные крылья, хлыст хвоста и безжизненно мотающуюся на длинной шее гребнистую голову.

Дракон!

Червень подскочил и очень ловким для его неуклюжего сложения прыжком брызнул в сторону.

Это его и спасло.

Громадная алая туша с отвратительным мясным звуком рухнула на Карахорта, и Тьма в этой складке Эалы снова осталась без пастыря.

Последнее, что слышал Червень, – это мучительный, протяжный стариковский крик, донесшийся будто ниоткуда.

Ощущения были такие же, как после криогенного сна в капсуле. Воздух вошел в легкие словно под давлением, толчком.

Ничего, не впервой.

Его встретила чужая, отвратительного вида планета. Вокруг неровным рядом стояли мерзкие создания, выглядящие жалкой пародией на войско. Единственное, что в нем было убийственного, в этом войске, – оглушительный смрад закишей сыромятины, помета и немытой плоти.

Запахи! Много, отвратительные!

Мастер Войны выгнул длинную шею и испустил яростный крик.

Снизу, под ногами... ох, под брюхом, под брюхом... там было что-то теплое, текучее, липкое и колючее.

Ощущения! Шквал ощущений!

Он переступил и с ужасом понял, что путается в конечностях.

Их оказалось четыре.

Нет, шесть – еще огромные, как паруса, кожистые крылья, оттягивающие лопатки, разворачивающие спину. Одно было искалечено, сломанные кости торчали наружу, и это место яростно пульсировало, словно кровь превратилась в огонь.

Он не знал слов, чтобы выразить свое новое состояние. Это яркое, острое чувство заливало разум, мешая думать, мешая осознавать себя, раздирая тело на куски.

Боль, наконец понял он.

Боль.

Новые ощущения обрушивались в мозг лавиной, и бешеная работа нейронов со шквальной быстротой сортировала их – чтобы вынести на передний план главное. Всегда – главное, в любом мире, в любом состоянии...

Войну!

Дракон извернулся, отмахнул уцелевшим крылом, выкатывая из-под себя сплюснутую жестянку нелепого рогатого шлема. Пара неуклюжих созданий, похожих на перекормленных панцирников, припрыжкой бросились в атаку – как раз со стороны сломанного крыла. Мастер Войны оскалился – и испепелил обоих тугой, тонкой струей багряного пламени, пущенной из пасти. Огонь стегнул, как бозонный импульс по нажатию гашетки космического истребителя, – немного физического напряжения и чистое, кристально ясное желание убивать.

Его всегда было достаточно.

Бой оказался стремительным и разрушительным. Странные создания всех мастей кидались на багряного дракона и десятками гибли под ударами лап, хвоста и здорового крыла, поджаривались в огне, оказались перемолотыми громадными клыками. Удары мечей, копий с каменными и костяными наконечниками, шипастых дубинок не причиняли укрытому доспехом чешуи телу никакого вреда.

Вскоре плац перед жутким темным замком оказался полем разрушения, усеянным останками тел. Посредине свернулся кольцом тяжело дышащий, загнанный и взбудораженный боем красный дракон с белыми глазами, в которых пульсировали вертикальные зрачки.

Он победил.

В сломанном, разорванном крыле, не остывая, билась боль. Рассудок то грозил отключиться, то вспыхивал острой осознанностью, оценивая боевую мощь врага, его количество, расстановку сил.

«Звездная горячка, – с ужасом подумал Мастер Войны. – Был выстрел... Кот-ту... телепорт... перегрузка...»

Теперь он безумен. Он видится себе ящером. Вот она, расплата за все...

Мастер Войны сцепил зубы, поднял голову и огляделся.

Плац теперь оказался пуст. Агрессивный сброд унесло куда-то прочь за холмы, за гряды валунов, которые были причудливо разбросаны в отдалении. Гряды валунов... Это укрепление. Что за представления о фортификации были у того, кто строил его?

Боль колотилась в теле, мешала думать.

Он снова метнулся на движение, готовясь выдохнуть огонь. И замер. Из-за камня поднимался грязный кусок тряпицы, навязанный на веточку. Знак, единый во всех мирах.

Знак капитуляции.

– Г-господин дракон, – проговорил писклявый, тоненький голосок. – Не убивайте.

Дракон изогнул шею, заглядывая за валун. Маленькое, горбатенькое создание в грязной одежде стискивало тонкие ручонки, переминалось на месте и отводило взгляд.

– Видишь меня? – выговорил Мастер Войны. Драконьи челюсти двигались неповоротливо, приходилось преодолевать сопротивление мышц для каждого слова. Но он привык преодолевать.

– Вижу, господин дракон, – поклонился горбун.

– Дотронься...

Он протянул к нему длинную, как пневмохлыст, шею. Трясаясь отчетливой крупной дрожью, горбун протянул лапку, коснулся края ноздри, покрытой тончайшей чешуей.

Прикосновение...

Он чувствовал.

Он, Мастер Войны.

– Это не з-свездная горяч-щка... – выговорил он. – Это хуж-ше... Я ящ-щер...

В висках заломило; мозг отчаянно справлялся с непривычной нагрузкой. Запахи, пульсация, прикосновение к камню, влажность раздавленных трупов, чуткий кончик хвоста, точно еще один глаз позади.

– Где я?

– В Темном Сердце Морума, господин дракон. Так замок называется... ну и это... это за Морумскими горами, между Болотами Вечной Вони и Равниной Отчаяния, – раболепно причитало создание. – Как есть, Замок Темное Сердце, прямо на Муравьиной Горе, над городом гоблинов... Господин дракон...

Мастер Войны империи Йертайан, да сияет вечно ее Белое Солнце, поежилась – раненое крыло снова пронзило болью. Шевелиться следовало с осторожностью.

Дракон. Ящер.

– Не зови меня так.

– А как вас звать, господин дра...

– Я – Мастер Войны.

– Слушаюсь, господин Мастер Войны.

Дракон вытянул здоровое крыло, глянул на него. На увечное и смотреть не хотелось – надо было накладывать шины, ровнять кости, зашивать порванную перепонку. Аккуратно зашивать. Желательно с анестезией.

Теперь – с анестезией.

Повернулся, оглядел хвост – шипы на конце тоже оказались обломаны, но хвост был хороший, замечательный боевой сегмент. Мощный, длинный, точный.

Он задумчиво пустил сильные мышцы волной, разбрызгивая покрывающее плац кровавое месиво. И шкура хороша, чешуи легки и прочны, как керамокомпозит...

Чешуи...

Удел воина – стойко сносить все невзгоды, пережить поражение, вернуться и отомстить. Но как пережить, если ты – сам себе поражение, ненавистнейший из собственных врагов?..

Однако допрос продолжился.

– Морум – это что? Ты не геянин, я виж-шу... Я ж-шил среди геян...

Карлик вышел вперед, забыв флажок, показал руками.

– Это... вот.

– Планета?

– Что?

– Морум – планета? С-система? Морумские горы... что это?

Маленькие глазки мигнули.

– Не велите казнить, господин дракон... Ой! Не могу знать, господин Мастер Войны.

Покрытые чешуей ноздри выдохнули дым.

– Я смертельно хочу курить, – выговорил Мастер, щуря белые глаза.

Он выдохнул еще и попытался тут же втянуть этот дым обратно, но трюк не удался, он закашлялся до слез.

И осторожно высунул язык, косясь на него.

– Р-раздвоенный... позор империи Йертайан...

Ясность разума понемногу возвращалась.

– Итак, продолж-шим. Морум – не планета, не система. А что? Континент? Государство?

Он двинулся вперед, желая пристальнее взглянуть на аборигена; тот попятился и упал.

– Морум... вот... Морум... это... все, – залопотал уродец, отступая и тыча грязным пальчиком туда и сюда. – А гос подарство наше вон там... раздавленное лежит...

Мастер Войны посмотрел в указанном направлении и увидел покореженный рогатый шлем, который остро колол брюхо при падении, и распластанный черный плащ поверх красной жижи.

– Осиротели... – Инопланетянин в теле дракона оскалился во все зубы, получилось совсем страшно. – Это был военный парад?

– Немножко, – признался карлик.

– Ты воин?

Белые глаза загорелись огнем, в котором поровну было недоумения и насмешки.

– Я... при господстве нашем, Карахорте Темнейшем, на службе состоял. То, се. А вы, получается, великий, могучий, непобедимый победитель самого Карахорта! Он называл меня просто прислужником, а имя мое Червень, это от слова «червоный», красный, потому что...

Мастер Войны снова выдохнул дым.

– Тебя обманули. Я плохо знаю этот язык, но... тебя обманули, Червень, прислужник. Твое имя от другого... слова. Властью империи Йертайан, да сияет вечно ее Белое Солнце, повышаю тебя до адъютанта. Что же... станем выживать где бы то ни было. Где бы то ни было... где? – Он с отвращением посмотрел на свою лапу. – Мой пеленгатор уничтожен, я без связи... Знакомы ли тебе слова: галактика М-69 по Мерсье? Тридцать два дробь шесть по универсальному справочнику? Солнечная система? Квадрат двадцать восемь? Земля? Москва? Улица Щукинская?

Червень затряс головой. Карахорт тоже говорил непонятные слова, когда вершил темную ворожбу, создавая страшных существ или выводя особые породы орков...

– Нет, нет!

– Знаешь ли ты имя Тайтингиля, витязя Золотой Розы?

Карлик напрягся. Разумеется, он знал Тайтингиля, воевавшего с ордами его господина, но...

Он не хотел ненужных расспросов. Не хотел. И тем более ни под каким видом Червень не хотел в Морум Тайтингиля.

И он очень хотел жить – при новом повелителе тоже.

При нем – особенно.

– Ваша милость, не знаю, не слышал никогда...

Мастер Войны снова посмотрел на свое раненое крыло.

– Мне нужен медик. А потом я стану объяснять, какова бывает настоящая армия. И уже тогда мне откроются все ответы. Я умею терпеть. Я умею ж-ждать, Ч-щервень...

Он вытянул шею, и Червень почувствовал исходящий от огромного драконьего тела испепеляющий жар.

– Панцирники были еще хуже, поверь. Трусливые, не могли стрелять, не желали ходить в ногу. Мелкие. Я сделал из них воинов. Из тех, кто выжил...

Он тяжело развернулся и вперевалку двинулся по залитому кровью плацу к темным вратам замка, придерживая мордой завернутое набок искалеченное крыло.

– Я ж-шил среди геян... Я уз-снал эльфа... Хотя праматерь с-сказала, их нет больше...

«Я полюбил земную женщину.

Она совсем другая, она хрупкая и ничего не знает о войне, но глаза ее горели, как квазары, когда она принимала меня, и она бесстрашна, как лучшая из воительниц йертайан.

Но я потерял и ее».

Рана мучительно пульсировала болью, в драконьей плоти было непривычно душно, грузно.

Боль, боль, боль.

Но он должен был выжить.

Он, Мастер Войны.

Из-за камня поднялся Тхаш, подчеркнуто удерживая шестопер неопасно, как бы опустив. Дракон притормозил.

– Присягаеш-шь?

– Посмотрим, – неспешно ответил Тхаш, отступая, и длинное тело дракона, пятная землю кровью, протянулось мимо – и исчезло в стенах замка.

Следом юркнул и Червень. Лишь выкрикнул напоследок:

– Новый господин изволит отдыхать!

Глава 5

Разговоры

– Теперь я желаю увидеть Тенарис, – устало сказал Тайтингиль.

Виленор закусил губу. Кивком подозвал стражника.

– Проводи. Делай так, как решил, витязь.

Орк быстро поднялся.

– А доспехи, Тай...тингиль? Доспехи?

– Их пришлют ко мне в дом. До завтра, дайн Виленор. Я поразмыслю ночью и отправлюсь в Вековечную Пушу с утра.

– Твоя воля, Тайтингиль Заступник. Я полагаюсь на твое решение, – выговорил дайн. – Но было бы разумно, если самый знаменитый из прежних правителей Нолдорина остался бы здесь.

Тайтингиль кивнул и, выпрямившись струной, в темносерых джинсах с легким эффектом «варенки», в хромовых трофейных сапогах под колено, в поло из плотного трикотажа с длинным рукавом, гордо откинув назад сияющие золотом волосы, отправился за сопровождающим – древними коридорами нолдоринского замка, мимо дивных картин и гобеленов, повествующих о великолепнейшем прошлом эльфов.

Тенарис лежала на постели в уединенных покоях, и две целительницы, прекрасные и безупречно юные, пели над ней – тихая, грустная мелодия обволакивала. Эльфийка была бледна, дышала часто, стиснув зубы; на висках выступил пот, пальцы намертво сжимали край простыни.

Одна из целительниц повернулась к вошедшему витязю.

– Ее тело не страдает. Но душа хочет отлететь, бьется уже возле самой Завесы. Мы облегчаем боль и удерживаем ее, Тайтингиль Заступник, но... стоит ли держать ту, которая стремится за любимым?

Он покачал головой и сел на край кровати. Молча вглядывался в лицо раненой стражницы... а на простынь, накрывавшую деву, уже падали частые багровые капли из его ноздрей. Златой витязь собрался было что-то сказать или спеть... но посмотрел на разводы крови, поднялся, опираясь на плечо одной из эльфийских дев, пошатнулся... и упал в мягкие лапы подоспевшего орка.

Лантир смотрел, как когтистые пальцы Потрошителя Азара аккуратно расстегивали мелкие пуговицы на вороте поло Тайтингиля, оглаживали по щекам, касались шеи, выщупывая биение пульса.

– Та-ай, ну Тай... – шептал орк тихо. – Н-ну пер-ре-утомился, с кем не бывает. Эти ваши магические битвы... Эти ваши конные пр-рогулочки... Все пр-ройдет, все будет хорошо, я здесь, я с тобой, мы спр-равимся, обязательно спр-равимся...

Он поднял голову – светлые глаза блеснули неожиданно жестко.

– Что стоишь? Принеси холодненького, на лоб ему, на нос, хоть бр-рокколи из морозилки.

Остроухая дева уже спешила с плоской ледяной воды и тряпицей – и мягко оттерла всю компанию подальше, в другой угол.

– Витязь потерял много сил... его собственная душа едва дышит, стражник Лантир, – пояснила она, хлопоча над присевшим на низкую скамеечку Тайтингилем – и изо всех сил стараясь не замечать орка, который тоже хотел хлопотать.

– Я не смогу удержать деву... – тихо сказал эльф. – Она...

– Ее уже нет с нами, светлейший, – откликнулась целительница. – Ее душа отлетела в Чертоги Забвения, когда твоя кровь попала на ее запястье. Она знает, что будет отомщена.

– Воительница ушла за любимым, – выговорил витязь. – Я видел ее путь. Она стремилась туда, где, быть может, они и не узнают друг друга. Ее поспешность оправдана. Но я видел и врага... видел. Видел ее глазами. Это истинные детища Цемры. И, увы, Мастера Войны...

Лантир закусил губу и отвернулся.

– Панихида, как сер-рдце чуяло, – грустно муркнул орк. – Давай, Тай, пойдем отсюда на улицу, ну пожалуйста, н-ну... надо свежего воздуха тебе глотнуть...

– Лантир, я отправлюсь к себе, в свой дом, – сказал Тайтингиль. – Если Виленор пожелает видеть меня завтра, пусть пришлет с утра – далее я уеду. Сегодня... я должен отдохнуть.

Он остановился и поглядел в глаза стражника.

– Меч Тенарис мне не по руке. Но оружие Арвиля я помню. Если меч разыщут, пришли мне его, Лантир Покинувший Лес.

Стражник кивнул, не поднимая взгляда на Тайтингиля.

Все трое вышли за пределы тихого двора, в котором у небольшого бассейна росли прекрасные ивы, и далее – на улицы города.

– Скалы, стены и рвы не помеха для пауков, – сказал Тайтингиль. – Не помеха.

– Леса Тенистой Пущи еще менее помеха им, – осторожно вступил Лантир. – Тот отряд... принял бой среди деревьев. Я знаю... знал этих воинов, они могли во мгновение ока вскарабкаться на любой ствол, и вели бой на ветвях так же легко, как и на земле...

– Это да, – вздохнул Котяра. – В гор-роде можно хотя бы забаррикадир-роваться. Двери там закрыть, окна. Р-решетки, жалюзи, р-рольставни. Побр-рызгать чем-нибудь еще... дихлофосом... – Он вдруг осекся и махнул рукой. – Я все забываю, – признался негромко и отвернулся к окну, – у вас нечем брызгать... И купить негде. Я раньше ездил много... все ругался... от фур «Магнитовских» на трассах днем и ночью не продохнуть. А тут нету. Фур. Супер-р-маркетов. И дихлофоса.

– Виленор... прав, – медленно произнес Тайтингиль. – Я понимаю это как правитель Нолдорины, отдавший городу три тысячи лет. Город-крепость может стать единственным оплотом эльфов в этой войне. Нас становится меньше... и я не хотел бы, чтобы мои три тысячи лет власти выпали на такое время... время выбора.

– Без эльфов не станет и людей, – убежденно сказал Лантир. – И может, не станет и dwarves. Сейчас все они сплываются близ нас, но случись что с эльфами...

Тайтингиль поднял голову, его глаза казались темными в полумраке коридора.

– Тебе легко, Лантир. Легко жить. Ты знаешь ответы на все вопросы.

Он молча вышел.

Котяра пожал плечами и трусцой побежал вслед за ним.

На улице Нолдорины Тайтингиль глянул на Котова, идущего в просторных полотняных штанах и добротной рубахе длиной чуть ли не до колен, и неожиданно рассмеялся, прижимая пальцами нос.

– Что с тобой? – Орк испуганно заглянул в его бледное лицо. После смерти, случившейся только что, смех показался неуместным и странным.

– Я вспомнил, как в твоём мире Ирма велела Алине отвести меня в магазин... и девочка наряжала меня во всякое... смешное. Нелепые рисунки, странные неживые ткани... цвета, которых я никогда ранее не видел, символы, которым вы придаете такое большое значение...

– Бр-ренды!

– Бренды... Я не отказывался. Не знал обычаев... не ведал правил. Я понял, что тоже скучаю по тому миру. Где воздух пахнет ядом, где люди живут друг у друга на головах, такие

смелые и такие слабые... где осталась женщина, понимаешь, Котов, моя женщина... человеческая. Ирма.

– Тебе бы полежать, – нарочито сурово буркнул орк. – А не про Ирму думать. В таком состоянии – вр-редно.

– Да, идем домой. Завтра рано вставать. А тебе еще нужны доспехи. Заказывать некогда, – задумчиво сказал Тайтингиль. – Разживемся подходящим в слободе, у dwarves и людей. Туда полчаса верхом.

– Вер-рхом? Вер-рхом...

Тайтингиль усмехнулся и еще через пару десятков шагов толкнул толстую дубовую дверь, оказавшуюся незапертой. Дом, который занимал витязь, проживая в Нолдорине, был расположен у крепостной стены недалеко от врат – и похож на небольшую крепость: толстостенный, крытый добротной черепицей.

– Телевизора нет, – объявил эльф, улыбаясь. – Холодная вода в колодце на заднем дворе. Там же отхожее место. Комнату подле кухни, с кроватью, застеленной шкурами волка, забирай себе.

– Я пр-ринесу воды, – муркнул орк. – И погрею ее на твоей ужасной дровяной печи. Я такую печь в последний раз видел...

– В доме у той северной женщины, которую полюбил. Там, где мы добывали звездную корабль.

– Надо отдохнуть, Тай...тингиль, – тихо сказал Котов – Надо. О чем ты только думаешь.

Эльф тяжело поднялся, перебрался в просторную комнату с огромной кроватью и упал по диагонали. Оттуда ответил:

– Я думаю, где и как я умудрился выронить бутылку с кровью Альгваринпаэллира. Пропал не только Мастер Войны. Пропал также старый ящер. Говорят, драконы развоплощаются, рассыпаются песком и драгоценными камнями, и в этой гряде очень важно отыскать драконий камень – то, что прежде было сердцем. Но больше всего я думаю, где я потерял кровь. А я ее потерял. У меня нет этой бутылочки. А она бесценна, орк. Бесценна.

Виктор любил этот бар. Бар был специфический, косплеерский, и член Союза уфологов Москвы, известный переводчик с клингонского часто и с удовольствием проводил тут время.

Впрочем, теперь Виктор мог позволить себе какой угодно отдых. После того как он отдал троице координаты космического корабля, найденного в таежной экспедиции, на него свалилось неожиданное благосостояние. Золотая цепь в палец толщиной, словно сытая змея, пригласилась на груди...

Виктор с силой стукнул по звонку еще раз. Он весьма показательно восседал у барной стойки один, но к нему не спешили подходить: внешний вид пока не коррелировал с финансовым потенциалом.

Вдали раздавался приглушенный шум голосов.

– Подпишите, Галина Ивановна. Увольняюсь! У-воль-ня-юсь!

– Шура... Не надо горячиться, дорогой, не надо. Я тебе квартальную премию выплачивала, а, Шура?

– Квартальную... нервотрепка у вас тут квартальная! Ролевики эти, реконструкторы! Надоело, Галина Ивановна, и не уговаривайте... То эльф за мусорными баками найдется... а теперь уже до драконов дожили. Я думал, инсталляция, голограмма, а он – настоящий! А техника безопасности? А за пожарную охрану кто ответственный? Я ответственный! Такие штрафы, Галина Ивановна, никакой премией не покроешь!

– Шурочка...

– А после стрельбы я тут вообще оставаться не хочу! По кому палили, Галина Ивановна, как вы думаете? Да по эльфам вашим и по драконам! Меня вон в другое место звали, в концептуальный бар по «Танкам»... Там наверняка не стреляют!

– Или из гаубицы тебя сразу и приложат, – неожиданно зло сказал женский голос, и господин уфолог поежился.

Видел он и эльфов, и кого похлеще. Троих странных мужиков, которые вроде как были горазды пострелять... но договариваться тоже могли.

Витя еще раз погладил витую скрутку массивной цепи.

– Привет!

Он оглянулся и увидел высоченную рыжую девушку с улыбкой во все лицо. «Лена», – гласила надпись на бэджике.

– NuqneH SoH, be', – с поклоном отозвался по-клингонски.

– Вы заказать хотели?

– Хотел...

– Пива? – радостно спросила Лена, будто само существование пива в этом несовершенном мире являлось высшей ценностью.

– Пива...

– Светлого?

– Светлого.

– Ага! Щас!

Жизнелюбивая Лена с дробным топотом унеслась прочь. Виктор поднялся и прошелся вдоль стены, разминая затекшие ноги. На ходу он вынимал из кармана камуфляжных штанов помятую пачку легкого «Альянса».

На заднем дворе бара оказалось так же пустынно, как и внутри. Площадка около контейнеров была оцеплена полосатыми милицейскими лентами. Понятно почему: уфолог отступил – под ногами виднелась наскоро засыпанная песком кровь.

– Да, дела...

Похоже, Шурман истерил не зря. Хотя гаубицы – тоже дело дрянь.

И вдруг Виктор увидел свет.

Даже не так: блеск. Будто кто-то зыркнул на него из-под мусорного бачка внимательным красным глазом.

Виктор был не брезглив. Брезгливых не берут ни в тайгу, ни в уфологи, ни в переводчики с клингонского. Он нагнулся, понял, что так ничего не увидит. Сначала встал на карачки, а потом вовсе распластался и, кряхтя, вытянул руку, шаря в темноте. Пальцы коснулись горячего, гладкого, Виктор вздрогнул от неожиданности. Оно живое? Полез еще глубже, плечо уперлось в край бачка. Зато округлый теплый край находки теперь хорошо лег в ладонь.

Долговязый тощий парень в камуфляже, с прижатыми веревочным ободком волосами, поднялся и оглядел находку. В бутылке из-под пепси был словно жидкий огонь, переливающийся перламутровыми протуберанцами. Горячий, живой огонь темно-красного цвета, отличающийся сочной золотой искрой.

– Херня какая-то, – признался Виктор и пристроил находку во внутреннем кармане вассермановской полевой жилетки.

Во внутреннем.

Настоящий уфолог никогда не выбросит найденное.

Поглядев вокруг, Витя на всякий случай прихватил еще невзрачный серый камушек, вроде как завлекательно-гематитово блестящий вкраплениями неведомых минералов – и пошел пить светлое пиво.

Ирма, всхлипывая, стояла в душевой кабинке под сплошным потоком воды. В душевой кабинке. Сколько их раскурочил Тайтингиль, пока жил у нее?.. Две, три?

– Я ни за что не засну... – шептала женщина, зябко оглаживая плечи, по которым текли сотни прозрачных струек. – Я не засну... господи, записать в органайзер, записать... Встать на учет по беременности... Спираль удалить... вдруг получится... и не повредить ребенку. УЗИ. Алинку... выпустят... в Болгарию отправлю на недельку, пусть отдохнет девочка... нет. В Париж. Пусть берет Наташку, и Наташке поездку оплачу, и летят вдвоем. Наталье Петровне коньяку... Потрясающая женщина... покрыла этого лейтенантика...

Она заслонила лицо руками и завсхлипывала – то ли расплакалась, то ли рассмеялась.

Вода текла.

– Я завтра буду в порядке. Я буду в порядке, честно.

Ирма отняла руки и посмотрела вниз, почему-то ожидая, что будет, как ее эльф, пятнать безупречный кафель кровью из носа.

Вышла, шлепая босыми ухоженными пяточками по элитному полу с подогревом. Отчаянно устояла на ногах, слабо отбиваясь от оглушительно гавкающего комка позитива. Лаки уже сделал свои дела дома, так и не дождавшись людей, и теперь виноватился, с привизгиванием вылизывая руки и колени Ирмы.

Женщина опустилась на кровать. «Алинка там... боже мой... цыганки... Наталья Петровна, – в голове творилось просто невообразимое. – Я не усну. Не усну».

Ирма снова потянулась к айфону – почти разрядился. Состояние было странным – когда невозможно было сидеть и никак не получалось спать. Несмотря на глухую ночь, женщина водила и водила пальцем по экрану. Мысли стали горькими и странными. Это была именно та ситуация, когда ей нужен был рядом человек – и она непременно позвонила бы Котику. Котяре. Но Котика не было. И Котик, оказалось, не человек.

Явился старый кот Пиксель, влез на колени, подвинув щенка, и громко затарахтел. «Погладь кота. Погладь!»

Да.

Ирма провела пальцами по двум мохнатым головам и, схватив айфон, ткнула – быстро, чтобы не передумать.

– Если мне звонят в два ночи, я еще актуальный специалист, – раздался уверенный дамский голос. – Чем могу помочь, Ирмочка?

– Семирамида... Ивановна... вы знаете, Наталья Петровна в тюрьме, – пролепетала Ирма.

– Наташенька давно планировала пособирать материал. Вы полагаете, эксперимент затянулся и мне пора туда подъехать? – В телефоне что-то металлически щелкнуло.

– Нет, я не об этом... она там с Алиной...

– С вашей дочерью? Не волнуйтесь, влияние Наташи нельзя называть особенно пагубным. – В голосе Семирамиды отчетливо послышалось легкое разочарование таким положением дел. – Она не подвержена порокам, про курение и коньяк мы не говорим.

– Семирамида... Ивановна... Натальи Петровны нет, а мне очень надо поговорить... выговориться. Вы ее подруга, вы психолог... вы меня выслушаете?

– Судя по тону, это будет часа на два. Три. Что же... – В трубке протяжно зевнуло. – Я так давно не принимала острых ночных звонков, что с удовольствием вспомню свою молодость на московском телефоне доверия. Минутку.

В трубке что-то булькнуло, хрустально звякнуло; спустя полминуты, в течение которых Ирма напряженно вслушивалась в шуршание динамика, одновременно судорожно подключая айфон к питанию, раздался совсем другой голос – хотя это, вне всякого сомнения, была она же, знаменитая доктор психологии Семирамида Глаурунг.

– Деточка, я вся ваша. Рассказывайте. И помните, ни одно слово из сказанного вами не покинет мою голову.

– Я знаю, знаю, спасибо. Так вот...

Через два или три часа, умиротворенная Ирма, глубоко уверенная, что уж госпожа Глаурунг точно сочла ее сумасшедшей, мирно уснула в кресле, свернувшись в комок; живность облепила ее и грела мохнатыми телами.

Снился осенний лес, рябина, далекое ржание коней и прозрачный, бодрящий, невероятно вкусный воздух.

Наверное, сквозило из окна.

Глава 6

В путь

Котик, провалившийся в радужные измерения странных снов и кочевавший там, пока солнечный луч не щекокнул его нос, еще и еще, – вздрогнул и открыл глаза. Такое было уже с ним – он попал в бешеный и злой круговорот ледяной воды... и вынырнул из него, обретая себя в новом, неизвестном мире.

Но сейчас было иначе, и пахло не смертью и страхом, а живым, пусть и неведомым – свежестью, цветами и опавшими листьями; пахло скупым воинским уютом; остывающим в осени, но все еще теплым добротным камнем, неуловимо – металлом доспехов и оружия. Около распахнутого окна, в свинцовый переплет которого были забраны разноцветные бледные стеклышки витража, стоял низенький столик изящной ручнойковки. Возле двери – простая, но надежная вешалка из оленьего рога, под ней – массивный сундук, накрытый, как и постель, шкурой волка. Вот и вся меблировка.

Эльфийский минимализм.

Котик вкусно зевнул и крепко, сладко потянулся – могучая кровать, способная вместить двух таких, как он, даже не скрипнула.

В этот раз он не выбирался из горы вонючих объедков слабым человеком на задворках Москвы, а отменно отдохнул на тонком полотне в шикарной постели. В этот раз у орка не было боли, наготы и ужаса; и забытый старый мир словно пробуждался внутри его, с каждым вздохом становясь понятнее.

В этот раз...

– Тай? – мягко спросил орк, оглядываясь по сторонам.

– Не усекай, – донеслось из соседней комнаты, – имени эльфа никогда.

Спальня хозяина дома – с резным дубовым стеллажом, с массивным столом, картой на стене, таким же сундуком и такими же рогами – не очень отличалась от гостевой.

– Тайтингиль...

Эльф лежал в постели, укрытый поперек бедер простыней, и хмурил лоб в раздумье, заложив за голову длинные жилистые руки. Скрутка волос прихотливо вилась по подушке.

– Доброе утро, – улыбнулся Азар. – Ты говорил о кр-рови вчера. О драконьей. А зачем – кровь?

– Я до сих пор чувствую, что силы не вернулись. После перехода между мирами... после смерти девушки. Я выпил бы драконьей крови, совсем чуть-чуть, и был бы исцелен.

– Я тебя сейчас сам исцелю, – пообещал орк, которого беседы о подобных угрожающих материях совсем не радовали. – Кашу у тебя есть из чего свар-рить? Или яишенку! С колбасой, н-ну или с мясом, с мяу-сом, а?

– Я приготовлю, – прозвенел чистейший девичий голос. – Ты будешь мясо, светлейший? Орку – тоже?

Хлопнула входная дверь, и в той части, где накануне Котик ознакомился с дровяной печью, раздались бодрые звуки хозяйственной деятельности.

– Он оруженосец, Ринрин, – ничуть не удивляясь, сказал Тайтингиль. – Да, буду.

Он не торопился выскакивать из постели и одеваться – так и лежал недвижно, поднимая твердый подбородок.

Котик, услышавший приятное, влекомый смутными побуждениями, сунулся на кухню. И замер.

Эльфийка, долговязая и узкая, с птичьим хищно-горбоносим профилем, разбирала огромную корзину с припасами. В кожаной куртке, набитой клепками, она выглядела совсем не домохозяйкой. Искоса глянув на Азара, фыркнула, повернувшись к комнате Тайтингиля:

– Ты снова переполошил муравейник, светлейший. Двор Виленора, все дозоры и стража обсуждают тебя... и твоего слугу.

– Оруженосца.

– Он из скальных орков? – Дева бросила оковалок мяса на доску, обтерла руки полотенцем и подошла к Котику, улыбаясь как ни в чем не бывало. – Привет. Разговариваешь? Морда симметричная, глаза одинаковые, плечи одинаковые, руки одинаковые...

Эльфийка запросто трогала указанные части Котика – и в этом не было ни унции кокетства, а только практическое, почти техническое любопытство – будто она изучала статью коня или прочность брони.

– Да, скальный, мало их осталось, славные воины. Не очень умны, конечно...

Котик сначала привычно заулыбался, глядя в серые, как два гранитных камушка, глаза; но, услышав последнюю фразу, насупился и забубнил что-то про вакуумное оборудование, термические печи и инновационные технологии, которые ему приходилось рекламировать во время московского бытия.

Гостья искристо усмехнулась, оглядывая его.

– ...но доблестны, отважны и крепки статью, – закончила она на позитивной ноте. – Я Ринрин, орк. Тайтингиль, я принесла меч Арвиля. Ты велел. Лантир не осмелился возражать. Ты пойдешь в Пуцу, Тайтингиль?

– Сперва к людям и дворганам, справить орку одежду и доспехи, – отозвался Тайтингиль, – потом да, к Оллантайру. Надо отслеживать напасть.

– Отлично, давно там не бывала. – Эльфийка вернулась к готовке.

Котик не мог отвести взора – ее волосы были заплетены, наверное, в сто штук тонких косиц, плотных и ровных, ничуть не разлохмаченных. У корней почти черные, к кончикам они становились белыми, пройдя массу синих и лавандовых оттенков. Надо лбом косички сплетались высоко и плотно и спускались по спине пониже лопаток.

– Прическа отпад! – выговорил наконец Котик. – Полное ощущение, что я в Милане... и я Дима... то есть Азар.

Он потянулся – то ли целовать, то ли воздать дань эмансипации и жать уверенную жилистую ладонь, но сам же себя и осек, памятуя неудачу в коммуникации при дворе Виленора.

Эльфийка глянула с недоумением.

– Потрошитель Азар? Тот самый?

– Да уж, – выговорил он; опять стало неловко. – Автограф хотите?

Она не хотела.

– Тайтингиль! Сам Потрошитель Азар, погибший лет сто пятьдесят назад, с тобой! Каких еще небывалых вещей ждать?

– Сами вы... вещи... – закричал орк и под легкий смешок Ринрин прыснул на задний двор.

Умываться пришлось у колодца, вода была прозрачной и студеной, и теплолюбивый Котьяра отвел на гигиенические процедуры ровно пять минут. Пара мальчишек торчала на заборе и вполголоса комментировала происходящее. Орк подумал и показал им язык. Пацанов сдуло.

В доме уже вкусно пахло. Тайтингиль был одет в свежую шитую шелком сорочку, простые штаны. Он бросил короткий взгляд на орка и с досадой отправил в большой плетеный короб окровавленное полотнище – видно, витязю снова нездоровилось. Азар хмуро покачал головой.

Тайтингиль меж тем сбросил с принесенного эльфийкой меча ножны... раз, два провернул в воздухе широкое лезвие. Кивнул.

Ринрин подала на стол сыр, мед, тонкие листы хлеба, фрукты, овощи, вино и аппетитные ломти мяса на большой деревянной доске.

Котик грустно сказал, глядя на мясо:

– Оно живое...

– Будем искать, – отозвался Тайтингиль. – Будем. Теперь и все дозорные Виленора станут разыскивать Мастера Войны в землях Нолдорина.

– Ага... Ринрин. – Сияющий взгляд Котика обратился на девушку. – Тоже до Рин сокращать нельзя?

Эльфийка в это время резала мясо и просто показала кинжальчик – небольшой, но весьма убедительный.

– У меня есть лапа от этого паука, – продолжила она начатый, видно, ранее рассказ. – Я нашла, где погиб Арвиль и была ранена Тенарис. Лапу принесла показать тебе, светлейший витязь. Может, ты в странствиях уже видел подобное.

– Я уже видел, – коротко выговорил Тайтингиль.

– Пр-роясните, – подал голос Котик, – Тай...тингиль, девушка с нами?

– Девушка – мой давний боевой друг. В схватке с пауками, о которых вчера принес весть Лантир, погибли ее друзья, – грустно сказал Тайтингиль. – Конечно, Ринрин с нами. Вне всяких сомнений. Садись.

После завтрака Ринрин хлопотала, убиралась на кухне. Котик принес ей в подмогу два громадных ведра воды. Тем временем Тайтингиль надел вместо массивных московских доспехов кольчугу, оправил на поясе кинжал и остановился возле орка. Тот не спешил уходить, разглядывая тонкую фигурку, мелькавшую на кухне и от сапог до макушки усыпанную разномастным оружием. Глазищи его печально сияли.

– Что ты, оруженосец?

– Ты был таким... одиноким там... в Москве, – муркнул Азар. – Мне в голову не приходило... что у тебя тут жизнь. Др-рузья... а я ведь пр-редставлял тебя – одним, единственным, взлетающим на белом коне над боем.

Тайтингиль посмотрел в глаза Азару, сжал его плечо и пошел на двор.

Ринрин подошла, стряхивая сверкающие капли с тонких пальцев.

– Ты подумай, сколько его друзей канули в Чертоги Забвения? Сколько потерь хранит каждое эльфийское сердце, орк? Тайтингиль – витязь, которому нет равных. Сколько бы тебе ни пришлось быть возле него – гордись.

– Я, – муркнул Котов, – я...

– Я еще ничего о вас двоих не знаю, – спокойно выговорила девушка, – но вижу, ты нужен ему.

То, что в его мире прозвучало бы весьма двусмысленно, здесь ударило Диму Котова прямо под сердце – почти до слез, до потери дыхания, как от ледяной осенней колодезной воды со вкусом высокого неба...

– Я скоро вернусь, Котяра, – слышалось со двора. – Жди.

Орк разворачивал холстины громадных свертков и доставал кожаные одежды, обувь. Могучая фигура почти двух с половиной метров ростом оказалась экипирована с ног до головы. Мастера дверги и люди знали толк в изготовлении снаряжения и шили на любых мимоезжих.

В итоге икры и щиколотки облегли великолепные сапоги на застежках, с бляхами и открытыми носами, выпускающими ороczy когти. Штаны – тонкая замша, рубаха из выкрашенного синей краской грубого полотна неуловимо напоминала джинсовую, колет из буйволонной кожи усилен круглыми стальными бляхами. Широкий, также набивной плотной чеканкой

пояс охватил неожиданно ладную и узкую талию, шлем с кольчужной бармицей живо напомнил Диме Котову картину «Три богатыря».

Потом орк начал разбираться с деталями портупей. Ринрин некоторое время наблюдала за процессом со стороны, а потом стала деловито и умело помогать; сухие пальцы застегивали замки, подтягивали завязки и осаживали доспех, и в конце концов эльфийка осталась довольна, что выразилось в молчаливом бодром похлопывании по плечу.

Котяра понял – тут не будет никакой романтики, эх... Тайтингиль тем временем беседовал с тихим невзрачным дворгом, до ужаса напоминающим Беспрозванного. Но за мирной, густобровый, коренастой статью, за сытым бурым пони, которого дворг держал в поводу, чуть-кому Котяре увиделось что-то большее.

– Таки чтобы я так жил, светлейший, – безмятежно пропел гость, цепко поглядывая на орка – и явно придержав нить разговора, которая вилась до появления Котяры.

– Это свой, – коротко бросил Тайтингиль.

Из-под личины коренастого, пузатого торговца на миг выглянул старый, битый жизнью волк и так же быстро втянулся обратно.

– Начали пропадать старатели, особенно одиночки, – стал докладывать дворг совершенно иным голосом. – Уже два каравана с товарами не вернулись из-под Синих гор. Король Виле-нор... пытается оберечься, но не слишком усердно. Светлейший, помоги нам.

– Чего хотят дворги?

– Узнать о новой угрозе больше. Мы полагаем, следует подойти ближе к Серым Россыпям, что у Синегорья, – оттуда слухи о напасти поступали чаще всего. Также связаться с Оллантайром напрямую. И лучше бы побыстрее. Предыдущие так и не добрались.

– Как раз следую туда.

– Ты же знаешь, светлейший, его жена вроде как... в самом начале... в трудную пору была под прикрытием нашего народа... Дантрима.

– Знаю, – ответил витязь.

– Если позволишь, наш посланец пойдёт с вами до Тенистой Пущи.

– Да будет так, страж, – кивнул Тайтингиль. И посмотрел пристально в слишком честные глаза сотрудника Тайной подгорной стражи. – Это все, что ты скажешь мне?

Дворг полностью расслабил лицо, сделавшееся отекающей скучной маской. Витязь ждал, смотрел, не отрывая взгляда, орк тоже никак не уходил и тоже пялился... и почтенный Граша-аль понял – уловка не пройдет. Глаза его снова сделались колкими, цепкими.

– Ничего не скроется от тебя, светлейший... Когда случились первые нападения... два, три... мы сразу обратились за советом... к мудрецу Мриру, ты знаешь его, светлейший, вы дружны...

– Мы много общались прежде, – уточнил Тайтингиль. – Много, да. Он обладает великими знаниями, Мрир.

– Он сказал нам, что причина беды не ясна ему, что она темна. Как раз он и посоветовал обратиться за помощью в Тенистую Пущу. По его совету мы попросили знаменитую магическую бляху старой гномьей работы у королевы Ольвы Льюэнь, – совсем тихо сообщил дворг. – Мрир сказал, эта магия должна помочь. Властительница не отказала. С тремя надежными дворгами бляха была передана в Нолдорин. Мы были убеждены, что осторожный знак, выкованный в Дантриме великим королем, защитит любой караван. Но посольство просто кануло. Наш воин должен отыскать утерянное... чтобы привезти в Дантрим или вернуть Ольве и дайну Оллантайру, как выйдет. Задача непроста. Кроме этих неведомых пауков есть и другие враги и угрозы. Орки Карахорта, обычные разбойники...

– Мы выступим вскоре, – сказал Тайтингиль. – Я собирался с рассветом, но... Утерянное надо вернуть, это в равной мере сокровище дворгов и эльфов Тенистой Пущи. И не только

поэтому. Сейчас, в беспокойное время, важна сила любого предмета доброй магии. Нельзя позволить такой вещи быть в злых руках. И драконья кровь...

– Что?

– Нет, нет, ничего, добрый дверг.

Грашааль с почтением поклонился.

– Молодой Иррик Вайманн будет ждать вас за городскими воротами. Мы не хотим привлекать излишнего внимания. Благодарю тебя, Тайтингиль Заступник, – снова поклонился он. – Благодарю... И... Виленор не видит всей опасности. Не видит, светлейший...

– Он прозреет, – спокойно сказал витязь. – Я иду искать источник, откуда пауки выходят на землю. Я хочу понять, сколько их. Найду – и сделаю все, чтобы пресечь их исход. А вы обретете свой оберег, либо я сразу отвезу его дайну Тенистой Пущи. Пусть Вайманн следует за мной на лошади, я буду двигаться быстро. Я знаю, он может.

Грашааль, снова нацепивший спокойно-благообразную личину, простился и уехал, а Ринрин втянула Котяру из прихожей туда, где на столах было разложено воинское облачение.

– Это правда надо? – робко спросил он.

Вместо ответа, она нахлобучила на него громадный клепаный нагрудник и впихнула в лапы шлем – тот самый, который выглядел по-богатырски. Оказавшись на голове, он сдвинул непривычно голую маковку с необыкновенной жесткостью.

– Выглядишь почти человеком, – резюмировала Ринрин. – Если к зубам не присматриваться. Надвинь шлем поглубже, так... Нет, не то. Не улыбайся хотя бы.

– Ой, не похож, ой, халтура! Зубы, что ли, подвязать? Было бы с чего... улыбаться, – засопел орк. В плотной коже доспеха было жарковато и твердо. И скрипуче. – Тай... Тайтингиль, а никак... без лошади не обойтись, да? Я высоты боюсь! В седле... голова кружится. И к тому же лошадь... пахнет же!

Тайтингиль прищурился.

– Я вспоминаю, как в вашем мире впервые сел в бесконную повозку. Она тоже источала разные запахи. Бензин...

– Бензин? – шевельнула бровью Ринрин.

Эльф кивнул.

– Но истинное удовольствие я получил, когда ехал с тобой, орк. Ты был славным... водителем, это называется так. Ты сам дышал полной грудью, наслаждался скоростью, управляя автомобилем. И станешь хорошим наездником тут.

– Полжизни за машину, – вздохнул орк. – Даже на горбатый «Запорожец» соглашусь.

Дева хихикнула. Ей не все было понятно, но безусловно все – интересно.

– Мы отправляемся на конный двор короля Виленора, подберем лошадей, – заявил Тайтингиль. – Потом сразу в путь. И так довольно промедлили. Ринрин, ты на своей Светлогривой?

– Да, витязь. Я как обычно.

– Конный? – заморгал орк. – Конный! Я... когда дарил Алинке пони, он меня укусил за... за...

Эльфийка смотрела, ждала откровений.

– ...задолбаются вы меня в седло сажать, вот! – закончил Азар и надулся обиженно.

– А он у тебя веселый! – улыбнулась Ринрин Тайтингилю.

Королевский конный двор встретил Тайтингиля и Азара разноголосым ржанием. Широкий проход к вытоптанному полю позади дворца с двух сторон окружали полукруглые арки, где в тени древнего камня стояли десятки лошадей – у крытых коновязей и в денниках. Изобилие этих животных заставило Котика оробеть.

Витязь молчал и выглядывал среди пасущихся коней единственного – для себя. Ринрин, юркая и быстрая, уже сходила за красивой кобылой – пегая, она действительно была Светлогривой, по холемому тонкому телу в причудливом порядке растекались рыжие и белые пятна.

– А вот и наш р-расист, – заметил орк.

Лантир, рея яркой синевой богато расшитого плаща, пафосно въезжал в ворота. Он круто осадил вороного коня, более крупного и тяжелого, чем давешний белый.

– Тайтингиль, – проговорил стражник. – Дайн Нолдорина велел мне подобрать коней для тебя... для вас. Виленор также отрядил меня сопроводить тебя в твоих странствиях. Тебя и вот его, – с этими словами Лантир небрежно махнул рукой в тонкой перчатке на Котова.

Тайтингиль прищурился.

– Вот его зовут Дима. Дима Котов. Котик, если подружитесь. А в прежние времена, Лантир Покинувший Лес, за небрежение оруженосцем витязи бились на мечях.

В прежних временах, – с расстановкой сказал Лантир, спрыгивая с коня, – было немало хорошего. Но ты, мне кажется, смотришь ввысь и в будущее и перестал чтить многие из традиций эльфов, Тайтингиль Покинувший Чертоги. Тебе бы нынче воинов со звезд, а не древние обычаи.

Вмиг все затихло вокруг. Казалось, даже кони перестали показывать норов, умолкли.

– Я покинул, – спокойно сказал Тайтингиль, – и я смотрю ввысь. Но и обычаи эльфов помню очень хорошо.

Ринрин встала между воинами.

– Тайтингиль, Лантир. Все как обычно – общий враг, темная нечисть... общий. Время ли вспоминать, кто и что когда покинул?

Витязь коротко кивнул и привычным движением закинул скрутку волос за плечо.

– Покажи коней, Лантир.

Черноволосый красавец встряхнул гривищей и пошел к денникам, разве что не всхрапывая на ходу. Ринрин улыбнулась Котику, а тот перевел дух и показал эльфийке большой палец правой руки.

Воистину королевский жеребец сочной гнедой масти – высокий, но не грузный, с точеными ногами, мощным крупом и круто изогнутой лоснящейся шеей с густой щеткой гривы, – почувствовав на себе незнакомого всадника, вздыбил репицу и затанцевал боком, но уверенное пожатие сильных ног успокоило норов.

– Хорош, – резюмировал Тайтингиль. – Мне подойдет этот конь для похода, Лантир.

– Та-ай... – позвал Азар.

Ему пара пересмеивающихся эльфов-коноводов, повинувшись жесту Лантира, вывела каурю кобылу, больше похожую на деревянную резную фигуру, что северяне крепят на носах своих кораблей. Огромная, с равнодушной постной мордой, животиная стояла недвижно.

Однако орку надо было сесть в седло, а он все аккуратно поглаживал толстые жесткие волосы на квадратном крапчатом храпе и искательно заглядывал в левый конский глаз, выпуклый и равнодушный.

– Ты же скакал на своем боевом волке, – заметил Лантир. Он с удовольствием наблюдал, как орк кружит вокруг огромной лошади, не зная, с чего начать. – И как-то доехал с отрядом до Нолдорина.

Даже не вспоминай... – Орк энергично потер упакованный в плотные штаны зад. – Я десять лет в Москве прожил, у меня машина хорошая была, а не этот... владимирский цент... тяжеловоз!

Лантир нахмурился и фыркнул одновременно. Он был очень странный, этот возвратившийся из небытия оркский вождь, которого называть легендарным Потрошителем не поворачивался язык.

Котов все-таки взгромоздился в седло и, осторожно взяв повод огромными лапами, неуклюже подтолкнул кобылу пятками – вслед за жеребцом Тайтингиля и танцующей пегой лошадкой Ринрин. Лантир подчеркнуто изящно вспрыгнул в узорное седло вороного коня.

– Повторять не стану, – сказал витязь, не глядя на него. – Слов розни слышать не хочу. Станешь препираться, отправишься к Виленору.

Тот склонил голову.

– Но ты не... будешь препятствовать моему присутствию в твоём отряде?

– Я не собираю отряд, – легко сказал Тайтингиль. – Со мной поедет Ринрин и один дверг, которому по пути в Тенистую Пушу, просто по пути. Ты не поступаешь под мою руку, Лантир, а следуешь рядом по приказу своего властителя.

– Ты не принимаешь командование надо мной?

– Воздержусь.

Лантир более не высказывался, но Котяра временами ощущал на спине его колкий взгляд.

В спокойствии и исключительной стати кобылы вскоре обнаружился подвох. Она ела все, что видела, вырывая повод из непривычных к конским штукам лап, хотя и послушно следовала за остальными, не отставая.

– Хв-ватит жрать! – возмущенно пыхтел Котик. – Прорва! Я буду звать тебя Винни Пух. Застрянешь между двумя стволами, будешь знать... кобыла Винни Пух, она, да... Эх, жаба белоглазая, инопланетная, где-то ты теперь... Скучно без тебя.

– Мы обязательно отыщем Мастера Войны.

Так выехали из городских врат.

Вскоре послышался бодрый бой копыт, и Котик увидел верхового, во весь опор мчащегося к ним. Компактный всадник осадил коня подле отряда, и орк рассмотрел молодого чернявого дверга приятной, но какой-то крайне неприметной наружности, в простой, добротной сшитой дорожной одежде.

– Вайманн, – сказал прибывший, слегка поклонившись. Цепкие глаза пробежали по всем попутчикам, остановились на Тайтингиле. – Иррик. Приветствую тебя, светлейший, и поклон тебе от почтенного Грашаала. Я тот скромный сын ювелира, о котором он говорил тебе; с твоего позволения пойду с вами до Пуши.

Эльф кивнул.

– Почту за честь разделить дорогу с достойным двергом.

Остаток дня прошел вполне благополучно. Отряд передвигался шагом, периодически переходя на рысь, и тогда округа оглашалась звонким орочьим ойканьем и последующим протяжным нытьем. Дверг вполголоса беседовал с Тайтингилем, Азар на тихих аллюрах поставил целью поразить эльфийку умом и сообразительностью, хмурый Лантир молча замыкал строй, сверкая волосами, плащом и очами.

Начало смеркаться; стали искать место для привала. Тайтингиль указал на лесную опушку недалеко от дороги, туда путники и направили коней. Стали расседлывать – Ринрин без лишних слов пришла на помощь запутавшемуся в пряжках и ремнях орку, потом собрала животных и увела к воде. Дверг взялся за притороченный к седлу тюк и раскинул довольно вместительный шатер. Азар по указанию витязя пошел в лес за хворостом и сухими стволами для разведения костра.

Лантир вынул из колчана лук, приладил тетиву.

– Пока не пала тьма, я добуду пару гусей у реки, – сказал он, обращаясь к Тайтингилю. Тот молча кивнул.

– Отдохни с дороги, светлейший, – предложил Иррик. – Всем нужен отдых в пути... а тебе особенно.

Послышался треск – орк уже перелазил обратно через кусты, в каждой лапе у него было по сухой ели. Шлем съехал на нос, и Азар спотыкался почти на каждом шагу, чертыхаясь и причитая. Подоспевшая эльфийка со смехом бросилась ему помогать.

– Сейчас бы селфи в «Инстаграм» запостить в таком виде, – бурчал Азар. – Тут с одной этой каски пятьсот лайков можно собрать.

– Лайки – это ягоды в твоей стране? – спросила Ринрин.

– Грибы, – хмуро ответил орк и галантно передал ей менее увесистую дровину.

Силы в легком жилистом теле оказалось немало, в четыре руки они совладали с бревнами и сложили костер. Ринрин достала кресало, и под восхищенные комплименты Азара огонь весело заплясал на дровах. Из совсем уж сгустившейся тьмы вышел черноволосый эльф с увязанной на гибкой ветке парой крупных гусей.

– Славные тут луга в пойме, – сказал он, – но дичи почти нет, это странно. Будто кто-то...

– Я бы не советовал блуждать ночью в этих краях, – негромко сказал дверг. – Не советовал бы. Раньше они были благими, еще совсем недавно. Но это раньше.

– Мы не станем, – ответил Тайтингиль. – Никто более не будет отходить отсюда. Кони пасутся неподалеку, здесь горит огонь. Сейчас будет трапеза, а потом отдых, мы не желаем рисковать без меры.

Ощипанных и опаленных гусей орк густо натер набранными в перелеске ягодами, размяв их в лапе, а Ринрин дала соли и немного сухих приправ. Свежая, нагулявшая к осени жирок дичь запеклась, и с вынутым из седельных сум эльфийским хлебом, двергской пряной солониной, крупными осенними яблоками, напоминающими антоновку, с ломтиками спелой медовой тыквы была съедена путниками очень быстро.

– Я побуду на страже, – наконец сказал Лантир. – Нужно спать. Дела вроде и не гонят нас...

– Гонят, – отозвался Тайтингиль и встал, чтобы пройти к воде – умыться лицо и руки.

– Спасибо за угощение, – откликнулась Ринрин. – Лантир, я посижу с тобой.

Эльф вернулся и растянулся в шатре всем длинным, узким, сильным телом. Котик, переваривая плотный ужин, возился на расстеленных плащах и пушистых шкурах рядом с ним.

– Тай... тингиль, н-ну...

– Что тебе?

– Что говорила тогда Рин...рин? Морда симметричная, и все такое?

Тайтингиль подпер рукой голову.

– Орки, если мы о них, есть разные. Сами они летописей и историй не вели, но другие народы что-то помнят об этой напасти. Самые крупные и мощные – скальные. Они живут в Серых Россыпях, и осталось их немного. Во всех армиях Темных скальные орки воевали как начальники, а некоторые семьи, к которой относишься и ты, были знамениты не менее иных эльфийских королей.

– Это хор-рошо же? – муркнул Котик. – Но Рин сказала – глупый, глупый, н-ну...

– Нет, скальные, как правило, умны. Однако эльфийке это незачем говорить орку. У них правильные симметричные тела и более-менее единообразный склад морды... лиц. Мрир считал, что скальные орки или были изначальными жителями Эалы, еще до эльфов, понимаешь?... Или пришли сюда из иной складки.

– Так.

– Другой народ – орки обычные, – тихо сказал Тайтингиль. – Их еще называют искаженными. Один из сильнейших властителей прошлого, великий дух, восстававший против Сотворителя Всего, не имея своего дарования творить жизнь, наловил детищ более удачливых духов – людей, эльфов, гномов, пытал их и мучил, пока они не превратились в нечто иное. Орки

искаженные не имеют симметричного тела, а если кто-то рождается с двумя одинаковыми сторонами лица и тела, ему завидуют и, как правило, убивают свои же. Таких большинство: среди них есть глупые, что гибнут через пару лет после рождения, а есть мудрые, которые делаются военачальниками. Они могут быть маленькими или крупными, мощными, как ты, и даже больше, но о них нельзя судить по внешнему виду. Этот народ, понимаешь, придумала и вывела злая воля на потребу своих нужд. Как Цемра, которая пыталась сделать себе и народ, и детей, и армию разом...

– Так. Я понял... пррро симметрию. Не рассказывай, аж затошнило. А еще кто у вас тут... водится?

– Горные гоблины. Они размером с dwarves или мельче. У них чем крупнее – тем более знатен гoblin, самый большой под каждой горой – король. Гоблины, считается, родились из подгорной тьмы и грязи. Dwarves верят: когда Сотворитель Эалы поручил великому каменному духу-праотцу лепить их, тот позабыл обжечь часть заготовок – из них и вышли гоблины, а из обожженных – сами dwarves. Гоблины многочисленны, но не слишком сильны и умны, у них тонкая кожа и легко умирающие тела. Но они могут быть очень опасны в пещерах. Я хочу спать, Кот.

– Конечно, – всполошился орк, – конечно, светлейший... – раскинулся и сладко засопел первым, покряхтывая от ощущений в отбитых седлом ягодицах.

Эльф смежил ресницы, вслушиваясь в профессионально-неслышное дыхание dwarfa по другую сторону от себя.

Почтенный ювелир, сын ювелира не пожелал ничего добавить о гоблинах, предпочёл притвориться спящим. Что же, его право. Тайтингиль ухмыльнулся и уснул под тихий разговор Лантира и Ринрин.

Глава 7

Матерь дома

– Алина!

Ирма окликнула дочку, та не отозвалась. После того как ее вызволили из полиции, девочка была растерянная и замкнутая. Возбужденно простившись с Натальей Петровной, она, оказавшись дома, рыскнула к себе наверх и заперлась в комнате, включив бесконечное аниме.

Ирма и сама была растеряна.

Нужно сказать Алине, что у нее будет братик. Или сестричка. Нет, братик: женщина почему-то очень четко осознавала это. Мальчик. Упрямый сероглазый бутуз с волосами странного цвета – не рыжими, не русыми. Золотыми, как у отца.

Эльфа, который сгинул.

Ирма в очередной раз попыталась собрать себя в кучу, мысли путались. Она в третий раз шла почистить зубы и все заруливала куда-то не туда: то на кухню, попить кофе, то в гостиную, погладить кота, то убрать за беспокойной собакой.

– Али-на! Я уехала... к врачу.

Все же надо сказать дочке.

Надо понять самой, во что превратилась ее жизнь.

Ирма поднялась к Алинкиной комнатке, приоткрыла дверь. Девушка лежала, засыпавшись всеми своими мягкими игрушками, сколько их было, а заодно и мирным теплым Пикселем, и недвижно всматривалась в самураев, бесконечно рубящих друг друга на кровавые геометрически правильные части. Лаки на полу разрывал на куски большого плюшевого крокодила.

– Нормально, мам. Поезжай.

Голос был картонным, сухим.

– Я постараюсь ненадолго, детка.

– Я справлюсь. Тут, если что, Наталья Петровна, могу к ней спуститься. Наталья Петровна – это... да. С Лаки погулять выйду. – Голос оставался таким же, но он произносил правильные слова. – Я пойду. Да. Через десять минут. Двадцать.

Ирма вздохнула.

– Мам... ничего серьезного? Чего ко врачу-то?

– Нет, это... это... в общем, это женское. Возрастное. Мне давно было надо. Не беспокойся и... и не отключай телефон.

Алинка села. Уставилась на мать.

– Что ты. Я никогда больше не выключу телефон и не выпущу его из рук. Мама. Правда.

Ирма отшатнулась и быстро-быстро застучала каблучками.

В клинике она села в коридоре, изучая разнообразные плакаты о современных способах контрацепции. Спирали, таблетки. Ирма привычно стиснула руки. Ведь случается, даже самые дорогие тесты домашнего использования врут. Случается. Может, и этот соврал. Нет человека – нет проблемы.

«Прерывание беременности на ранних сроках. Без осложнений, без хирургического вмешательства. Планируй свою жизнь».

С другого плаката улыбалась счастливая округлившаяся молодка, рядом с ней стоял подтянутый пожилой мужчина в строгом сером костюме. Цепкий прищур глаз, длинные седые волосы, харизматичная борода. «Михаил Ростиславович Чар. Идеальный человек в тебе. Психэмоциональное сопровождение сложной беременности», – гласила надпись.

Женщина отвернулась.

– Ирма Викторовна. – Сотрудница с ресепшен приветливо засияла отбеленной зубной эмалью. Немного ботокса, коллаген в губы, инъекция золотых нитей в скулы – администратор продемонстрировала на себе все достижения современной медицины. – Доктор ждет. Я нашла вашу карту, давайте сверим данные, пожалуйста.

Ирма встала, придерживая себя за внезапно занывшую спину; отчего-то прострелило.

– Панченко Ирма Викторовна, год рождения... ах, тут ошибочка. Ведь 1986-й, так?

– Семьдесят шестой.

Барышня удивленно вскинула норковые ресницы.

– Н-не может быть... Вы... где вы делали пластику, пожалуйста, дайте адрес!

– Я делала веки... пять, нет шесть лет назад у Анисимова в «Бьюти-гранде», – сухо ответила Ирма.

Удивление, недоверие, даже раздражение исказили красивое лицо администраторши.

– Веки? И все? Видно, что вы прошли какой-то потрясающий курс омоложения! Да, скорее всего, не в России – Израиль... или Австралия.

– Я... – Сил спорить не было. Казалось, что внутри наливается огнем шар. Золотым и белым огнем. Золотым и белым. Как Тайтингиль. Он, ее эльф. Остроухий долговязый мужчина с длинными волосами.

Он был очень серьезным, и когда назвал ее своей женщиной – а она никогда, никогда не была чьей-то, даже в браке! – Ирма плакала от нового, непонятного чувства, охватившего все ее существо.

Настоящий эльф.

Теперь прежняя деловая хватка изменила ей, железной Ирме, и все ее женские силы оказались направлены внутрь, туда, где – она видела! – помещалось малое золотое с белым зернышко. Малыш, зачатый от эльфа. Тест не врал. Не врал.

Тайтингиль как-то сказал, что человеческие женщины желали его соплеменников, потому что близость с ними приносила молодость. Рациональная, современная Ирма не верила в сказки.

Как выяснилось, это была не сказка.

Но это уже не имело никакого значения.

– Что же, если вы не хотите делиться контактами, я не настаиваю. – Коллагеновые губы поджались. – Так, вы у нас были последний раз полгода назад. Дмитрий Владимирович ожидает.

Ирма вошла в кабинет. Худощавый очкастый доктор деловито мыл руки.

– Пожалуйста, на кресло, Ирма Викторовна.

Потом был осмотр, УЗИ и еще много медицинских процедур, которые она ненавидела. Высокий лоб доктора морщился, на него будто наплывали хмурые тучи.

– Я написал вам направления на анализы. Сдадите их, и давайте, Ирма Викторовна, на аборт. Много времени не займет, через сутки будете дома. Надо удалить спираль и сделать небольшую чисточку. На первый взгляд все нормально, но меня что-то настораживает.

– Дмитрий Владимирович, я хочу сохранить ребенка. Чего бы это ни стоило. – Звуки голоса плыли под потолком кабинета, Ирма почему-то почти теряла сознание.

– Сохранить? Ирма Викторовна, он зачат при гормональной спирали. Вы не девочка уже.

– Я могу лечь немедленно. Или вы не готовы провести аккуратное удаление спирали, доктор? – Ирме казалось, что потолок качается, и вдруг... все обрело ясность, четкость, самочувствие выровнялось, откуда-то изнутри ударил пучок сил и задора. – Просто уберите из меня эту штуку, а ребенка оставьте. Просто!

– Не могу гарантировать! – также чуть повысил голос врач. – Не могу! Готовы – ложитесь завтра с утра. Хотите сохранить беременность? Даже если это удастся, пару дней я хочу вас покатать и понаблюдать. Но вы понимаете, что такая манипуляция...

– Я все понимаю. Отлично. Лучше вас, – чуть грубо заявила Ирма. – Вы сделаете все, чтобы сохранить для меня малыша, а я со всей ответственностью говорю вам, что понимаю риски. Если надо – подпишу бумаги, что не буду иметь никаких претензий к клинике... в случае...

– Ладно, – раздраженно сказал врач и тоже взял себя в руки. – Ладно. Сегодня не ужинаете и не пьете на ночь много воды. И совсем не пьете спиртного. Завтра прошу вас к нам к половине седьмого утра, натошак, с анализами мочи. Вы поняли?

– Отлично поняла. – Ирма схватила сумочку и устремилась вон из клиники.

«Ты – оазис спокойствия. Твой ребенок – твой проводник в будущее», – сообщил ей с плаката М. Р. Чар на выходе из клиники.

Ирма почти бегом достигла стоянки, на ходу отвечая на всевозможные звонки, и резко затормозила.

У машины стояла неожиданная парочка, состоящая из тетушки Сары, которая при свете дня выглядела еще удивительнее, чем в катакомбах dwarves, и журналистки Ники. Обе увлеченно ели жареные каштаны, для которых был не сезон и не совсем та страна, и невероятно оживились при виде Ирмы.

– Таки едемте, детка, – заявила Сара. – Мы вас уже заждались, миленькая. Я сажусь назад. В смысле ширины салона.

– Правда, Ирма Викторовна. Ну тут такие дела, – задушевно сказала Ники, – давайте мы вас к другому врачу отвезем. К нашему.

– Я имею сделать вам нормальный стационар, – сообщила dwarfsкая дама, пощипывая себя за усы. – Таки в эту вашу клинику, «Бесту», тухес заносить страшно, отважная вы моя.

– Я что? – взвизгнула Ирма, снова вскипая. – Не имею права ни на какие интимные... личные тайны? Моя жизнь теперь будет достоянием Москвы и желтой, прости, Ники, прессы?

– Не надо-таки волноваться. – Сара вдавила Ирму за руль мягким теплом своего переднего фасада. – Просто садитесь и включите эти ваши гоголь-моголь карты. Три поворота налево, пять поворотов направо.

Улочки Москвы мелькали одна за другой, и вскоре Ирма, подпихиваемая с двух сторон, поднялась по затертым ступенькам крошечного медучреждения. Каждая капелька масляной краски, покрывавшей стены, кричала о том, что оно самое что ни есть бюджетное. Неброская вывеска сбоку гласила – «Роддом №...», и еще – «Женская консультация».

Сара вплыла в вестибюль с уверенностью линкора, штурмующего северные льды.

– Все dwarfs Москвы рождались тут, моя дорогая. Все.

Потертые диванчики, людно; запахи не элитные и совсем не дорогие. Сара и Ники, отодвигая возбужденных женщин разного возраста и на разных сроках, провели Ирму в кабинет, на котором не было никаких табличек с указанием фамилии или часов приема специалиста.

Ирма снова чувствовала себя странно. Она, не привыкшая слушаться никого и никогда, словно вошла в безуспешно вытряхиваемое из нее состояние внутреннего молчания, которого так и не добился высокооплачиваемый инструктор по йоге. Почему-то факт, что впервые за полтора десятилетия о ней заботятся две женщины, которым бы, по идее, этого никак не следовало делать, заставил кипеть слезы у ее глаз – совсем, совсем близко. Но Ирма не давала себе воли... и только думала всякую ерунду: мнение другого специалиста не повредит, в таких небольших и небогатых роддомах обычно отличные врачи-практики, и прочее, прочее...

Рациональное.

Дверь открылась, Ники выскочила вон. В кабинет вошла приземистая дама за шестьдесят, определенно dwarfsкой внешности, с коричневыми от курева руками, небрежно подбритыми усиками, в не очень чистом белом халате. С ней был мужчина около пятидесяти, маленький, весь какой-то складчатый, точно кожи ему отпустили намного больше, чем плоти, загорелый дочерна. Череп его был брит и блестел.

Ирма автоматически подала распечатки – УЗИ, направления на анализы.

– Зовите меня Тата Аароновна, – прогудела тем временем усатая дама. – Так-так, что тут у нас...

Мужчина улыбался. Потом, словно спохватившись, достал откуда-то халат, надел его, пристегнул бедж. «Либензон Моисей Исаакович, хилер-акушер Королевского Подмосковного двора».

– Мне надо просто удалить спираль, – нервно сказала Ирма. – Я уже договорилась в «Бесте»...

– Таки мы знаем, – кивнула Сара. – Детка, выпейте чайку. Вот, у меня в термосе есть.

Ирма сжалась в комок... и разжалась. Она не ощущала угрозы.

Совсем.

Крошечный кабинетик наполнялся цветочными, травяными ароматами, плыл и качался. Добрые, убаюкивающие интонации Таты Аароновны чрезвычайно не вязались с ее грубым лицом и мужиковатым обликом. Чисто вымытые руки Моисея Исааковича поглаживали плоский Ирмин животик. «Тут чем меньше мешать, Ирма Викторовна, тем лучше. И вообще, показывайтесь вы в вашей «Бесте» пореже. Просто слушайте мой голос. Я обучался на Филиппинах. Не смотрите, будет немножко странно»...

Сухие пальцы врача будто погружались в ее тело, не причиняя никакой боли. Выступили несколько капелек крови. «И рожать приходите к нам. Лучше не пугайте ребенка УЗИ, вы пореже, пореже, пореже»...

Ирма совсем уснула под воркующий говорок двух женщин, успев услышать напоследок только: службу «трезвый водитель»...

...проснулась она уже дома, на диване под вазой.

Некоторое время женщина бессмысленно рассматривала картинки на фарфоре, только теперь уловив их смысл. Слабо улыбнулась и огляделась.

– А они уехали, – сказала Алинка. – Машина в гараже. Мам, тебе лучше?

Дочка сидела в кресле с ногами и изучала несколько бумажек с печатями и заключениями.

– Твои документы, мама. Из них следует, что ты на раннем сроке беременности и удаление спирали прошло удачно. Вот она, в пакетике. – Алинка продемонстрировала названное. – Тебя привезли, ты еще от наркоза не отошла, мам. Какая ты счастливая... у тебя от дяди Тая остался ребенок. Какая ты счастливая... ну правда.

Ирма, которая в толк не могла взять, как она вот так безмозгло пошла за малознакомыми людьми в неизвестную городскую клинику, где выпила чая с наркотиками, точно с наркотиками!.. после этих слов разревелась.

Сказать было нечего.

С утра ощущение странной пустоты и безнадёги вернулось. Казалось, только что дом был полон народа: на балконе странной красной птицей восседал Мастер Войны, на кухне деловито упаковывал в посудомойку грязные тарелки Котов. В душе плескался эльф. Только что рядом были хотя бы Ники и dwarfsкая дама величественной полноты. А теперь – зверье и они. Беременная мать возраста «старородящая плюс» и рано повзрослевшая дочь.

– Наташка не может, – бумажным, неживым голосом прошуршала Алинка. – Она поступает. А я не хочу. И поступать не хочу, и в Париж, и в Болгарию...

– Нельзя киснуть, – жестко сказала Ирма. Посмотрела на стол. Там в боевом порядке сгрудились баночки с витаминами для беременных, биологически активные добавки и прочая невероятная атрибутика элитного московского вынашивания эпохи XXI века.

– Я не кисну, мам. Тут какое-то другое слово нужно, – так же заторможенно выговорила Алинка.

Ирма медленно повернула голову.

Айфон трясло – звук был отключен, но звонили все подряд. Деловые партнеры, Монахов, следователи, немногочисленные подруги и многочисленные бывшие в употреблении любовники, которых словно прорвало.

– Так.

Пиксель, вздрагивая пышным хвостом, терся о спину Ирмы, топчась по дивану – влево, вправо, вот так. Потом свернулся шапкой и замурчал. Он оставался неизменным, этот кот. Был такой же, как во времена Алинкиного младшешкольного детства и неумной подростковости. Когда ее собственный развод уже случился, а капитал и образ жизни еще не сложились...

– Алина, ты как-то говорила, что можешь собраться за пятнадцать минут.

– Я могу, мам. Но...

– Через полчаса в машине, – рявкнула Ирма. – Через полчаса – в ма-ши-не! Жду тебя, ты поняла?

Алина вдруг подобралась, встала.

– Куда поедет, мам? И это... я под следствием. Я подписывала бумаги какие-то.

– Бумагами займутся евр... дверги. А мы – к тете Юле в Нижний.

Забывать мамину подругу, бегучую, как ртуть, восточную женщину с буйной шапкой непокорных кудрей, было невозможно. Тетя Юля была художница, она постоянно ваяла, рисовала, конструировала что-то монументально-разнящееся с собственной миниатюрностью, водила «Ауди Q7», виртуозно мешала портвейн с водкой и знала сотни забавных историй. С Ирмой они дружили тысячу лет.

Алинка вдруг оживилась.

– Не в Европу?

– Чего нам Европы! – надменно выговорила Ирма. – Ты уйму летних каникул просидела у тети Юли в загородном коттедже. Там большой кусок твоего детства, Алинка, и комнатка на мансардном этаже, где ты оставила своего главного плюшевого медведя. Помнишь, ты сказала мне тогда, что выросла – и теперь будешь интересоваться компьютерными играми и мальчиками? М-мальчиками...

Алина чуть опустила глаза.

Генерал чужой звездной империи попросил ее: прими меня; так было заведено в его мире, где правили женщины. И она, обалдевая от невыразимого счастья, дикого восторга и захватывающе острого ощущения чего-то запретного – и вместе с тем естественного, – она приняла...

Ирма тем временем в очередной раз рассказывала про их с тетей Юлей историю университетского знакомства, про девичьи подвиги, про первый французский коньяк и тусовки с московскими художниками...

Алина думала о своем.

Спустя все же не тридцать, а все сто тридцать минут оставшийся в квартире за старшего Пиксель был торжественно передан под присмотр Наталье Петровне в комплекте с ключами от квартиры, пачкой люксового корма, не менее люксового туалетного наполнителя и расписанием трапез. Мятущийся толстый Лаки запихан в салон, Алинка с планшетом простерлась на заднем сиденье внедорожника. Ирма решительно бросила свое пока что стройное тело за руль («разнесет же, как корову... после Алинки сколько было, плюс двадцать два? Двадцать три?»...), а все купленное «для правильной беременности» осталось сиротливо стоять на кухонном столе.

– Что ты улыбаешься? – спросила Ирма, выезжая из гаража.

– Ты наконец бросила суесться, мам, – уважительно сказала Алинка. – Ты отключила звук, но айфон твой нервно моргает. А ты нет. И ты везешь меня к тете Юле. Как в детстве. Это то, что надо...

– Конечно, – произнесла Ирма уверенно, – конечно. Сейчас так надо. Только так.

– Мастер говорил, что ты мать дома, мам!

Мать дома!

Ирма скривилась... черт бы побрал такого зятя!

И тут же мысленно оговорила – но лучше бы побрал не навсегда.

– Как там его народ называется, Алина?

– Нам сложно выговорить. Для простоты – гертаец он. Уроженец великой империи Гертай, да сияет вечно ее Белое Солнце. А с их произношением выговорить не так легко. Йер-тайан, так будет.

Алинка упала лицом в ладони и затихла.

* * *

– Але, Юрчик? Ну че, на?

Вася Брови дышал в трубку сипло, но аккуратно, будто боялся спугнуть важное.

– На стреме я. Вынесли чемоданы, еп-ма. Собрались телочки и правда куда-то надолго... Пса забрали, квартирка на охране, сигналка говно.

– Так это же и хорошо, – осклабился беспредельщик. – Пусть валят... шмары... Волосатики их... того... сгнули. Без присмотра осталась Ирма, оп-па! А Вася долгов не прощает... Отдавать пора настала, че...

Вася Брови много знал о долге. Сначала он считал, что Ирма ему должна, они не могли поделить кусок хорошей земли в центре Москвы. Но за бестолковую бабу вступился ее не менее бестолковый длинный рыжий патлатый мужик, пришлось по нему пальнуть, чтобы успокоился. Все было почти на мази – и вдруг на Васину башку обрушился тощий хмырь в бабских шмотках, со страшными белыми глазами. Спалил тачку и куском арматурины разнес Васиных бойцов. Про недвижку пришлось забыть, а ценный Андрюха, едва залечивший сломанную руку, и вовсе уехал из Москвы на какие-то Гоа от греха подальше...

Такого Вася простить не мог.

Он улыбался Ирме в глаза, желая ей доброго здоровичка, лебезил, как козел на красной зоне.

И думал о мести каждый день.

Пора пришла.

– Чё на, вот и туточки.

Охранную систему отключил Гришка Вермикулит, лучший по Москве спец по всяким компьютерным погромам, а с замком Вася справился сам, благо навык домушника никуда не подевался. Мастерство не пропьешь, подумал он и гордо выпятил пузо.

Вася скинул ботинки на дорогой половичок, и воздух немедленно наполнился зловещными флюидами стиранных на прошлой неделе носок. В Ирминой прихожей было темно, вкусно пахло духами, а еще – недавно зажаренной яичницей; запахи вступили в непримиримую войну.

– Вася Брови, мля, долгов не забывает, – уверенно сказал беспредельщик и шагнул дальше. Шел он чуть бочком. Злобный трансвестит, впрягшийся за Ирму, ушатал его так, что лучшие костоправы до сих пор не могли понять, что делать с шеей.

Он отобрал тачку, бабло, волюну и, не чинясь, снял с облитой холодным потом Васиной шеи благородную рыжую цапку. Вася смотрел на жуткие когтищи, плавнодвигающиеся в опасной близости от своего лица, – и обмирал.

«Теперь ты должен мне, Вася Бу-рови. Я взял всего лишь вещи, но оставляю жизнь. Это – честно. Быть должным Мастеру Войны – честь, Вася Бу-рови...» – вещал странный мужик.

Вася все вернет. И возьмет даже больше!

– Ща... по документам да по цапкам пройду.

Он открыл дверь в Ирмин кабинет и остановился, разглядывая вазу, купленную на его, Васиных, кровные денежки в лучшем антикварном магазине Москвы. Белоглазый хмырь к моменту покупки избавился от черных бабских шмоток и впялился в другие, красные. Вася вспомнил, как он держал портного на мушке – тощая рука не дрогнула, противный тягучий голос дотошно объяснял, какими должны быть рукава, подол...

Вазу когтистый черт тоже выбирал придиричливо. Теперь темная посуда в Васин рост немой стражей стояла у диванчика в Ирминой комнате. Вася прищурился, колупнул заусенчатым пальцем эмаль.

– Э, мля... – с сомнением сказал он. – Чет не заметил я раньше...

На глянцевой темной поверхности древний художник прилежно выписал сцены убийства и расчленения. Маленькие самурайчики душили, резали друг друга, выпускали кишки и сносили головы, осыпая округу ярко прорисованными брызгами.

«Ваза должна быть лучшей, Вася Бу-рови. Это дар матери дома моего. Ирме».

Матери дома!

– Нормальный подарок... теще? – Вася почесал плешистый затылок. – Вот ведь паскуда, нелюдь!

Это был редкий момент, когда Вася не мог определиться, кого ненавидит больше, – Ирму или Мастера Войны. Немного подумав, он решил – обоих. Равенство, опачки.

Подойдя к комоду, он дернул верхний ящик и вздрогнул – в темной комнате, подсвеченной отблесками города из-за неплотных штор, кто-то двигался.

«Я знаю таких, как ты, Вася Бу-рови, – плавно вещал белоглазый, наматывая вокруг Васи круги в их последнюю встречу, подметая московскую пыль красным хвостом, оставляя ядреный табачный шлейф, ну чисто дракон, а! – Космические пираты, они зовут себя так. Я называю их – шваль, – нелюдь где-то нахватался блатных словечек и кичился их знанием. – И убиваю легко. Запомни, Вася Бу-рови. Дом матери Ирмы должен остаться неприкосновенным. Я буду видеть тебя отовсюду. Слуга моего народа будет видеть тебя, Вася Бу-рови».

Плотное пушистое облако переместилось с пола на спинку кресла, с кресла – на комод. Бандит вздрогнул и схватился за выкидник.

– Пфу ты... животная... напугал, падла.

Прямо к Васе по самому краешку комода, беззвучно ступая лапками, подошел редкостной красоты и пушистости рыжий кот. Сел и уставился глаза в глаза. Очи животного чуть флуоресцировали.

– Ну здорово, охрана, – снисходительно сказал Вася. – Ты, штоль, слуга народа?

– Я, – сказал кот. – Мы, панцирники, служим звездной империи Йертайан сотни лет.

Бандит икнул и шарахнулся.

– Ты гля... Че на компьютере сделали. Запись... по датчику движения врубилась. Типа кот говорит, на...

Кот смотрел пристально, вертикальные зрачки навевали самые нехорошие воспоминания. В горле у Васи пересохло, а выкидник во вспотевшей ладони предательски задрожал. Пришлось защелкнуть и убрать в карман, чтобы не позориться.

– Кот говорит, – подтвердил рыжий и растянулся во всю длину на столешнице высокого комода. – Кот долгие годы присматривает за семьей Ирмы. У кота тут особое поручение, пони-

маешь? Увидеть здесь господина Мастера Войны, Воплощенную Смерть, было великой честью. Он сразу узнал меня. Панцирник, но в волосах – так он сказал. Волосы – маскировка.

Кот поднялся на задние лапы и передними что-то поделал у груди. Кошачья шубка расстегнулась, и из-под нее показалось такое, отчего Вася взвизгнул высоким, стыдным бабым голосом.

Кот застегнулся, поправил съехавшее ушко.

– Господин Мастер Войны предупредил – придут бесчестные геяне. Ты пришел.

В кошачьей лапке показалось что-то металлическое.

– Он повелел передать тебе слова, Вася Брови, – торжественно сказал кот, шагая по комоду на задних лапках. – Эти слова таковы...

Он вдохнул и поднял маленькую блестящую штучку. На лбу Васи, прямо между глаз, нарисовалась красная точка – вроде той, что малевал на себе ряженный в красно-коричневую тряпку спятивший Андрюха на этой своей Гоа.

– Завалю, фофан, – объявил котик.

Глава 8

Боль

Боль. Что такое боль? Как описать боль?

Как вспомнить боль, если ты ее никогда не ощущал?

...Геянка была распята и растянута – ноги в стороны, руки в стороны, коротко стриженная голова бессильно клонилась вниз. Изувеченную плоть пленницы прикрывали остатки мундира, густо залитые кровью.

Госпожа Мастер Войны почитала традиции и вязала пленников без использования пластиковых фиксаторов и сетей. Она делала так, как ее Праматери: продевала концы плетеной веревки внутри плоти. Также она редко брала для пыток какие-либо инструменты, кроме собственных когтей, покрытых керамокомпозитом и заточенных до бритвенной остроты.

Тому, кто является воплощением смерти, не нужно оружие.

Оружие – он сам. Она сама.

Пленница всхлипнула и вытянулась на веревках.

– Пожалуйста, – еле слышно выдохнула она, роняя с губ кровавую каплю. – У вас... матриархат... я сама женщина, астронавтка... пожалуйста...

Госпожа Мастер Войны провела когтем чуть ниже свода ребер и воткнула. Тут еще оставалось неизреченное место. Пленница закричала.

– Великой империей Йертайан, да сияет вечно ее Белое Солнце, правят Матери. Таков извечный порядок. Что до вас, пришельцы, – нет разницы, кто враг, женщина или мужчина. Вы не желаете признать наше господство и умрете все одинаково.

Она говорила на языке Геи с изысканным акцентом древней династии Даранну – плавно растягивая гласные и дробно выщелкивая согласные звуки. Говорила и продолжала мерно кромсать когтями плоть пленницы.

Она была идеальна, великая Праматерь, госпожа Мастер Войны. Мальчик любил смотреть на все в ней. Как она двигалась – высокая, грациозная, неторопливая, и в каждом жесте ее великолепного тела, сокрытого под складками одежд, читалась грозная мощь. Смоляные волосы, которые не были срезаны ни в знак покорения, ни в знак траура, привольно лились по плечам. Мальчик никогда не видел ее ни в ярости, ни в смятении. Прекрасное лицо с белыми перламутровыми глазами, которые утратили цвет в знак принадлежности к Черным Линиям, было безмятежным и спокойным даже без золотой маски. Она отреклась от всего во имя гибели своей Королевы, но судьбу вместе с маской сложить было невозможно. Так говорила Праматерь, и мальчик почтительно внимал каждому ее слову.

Сейчас он слушал крики пленницы и смотрел – кожа становилась бледнее, и кровь на ней казалась очень яркой...

Это было красиво.

– Подойди ближе, – велела Праматерь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.